

И. Ильенко.

ЗАКАСПІЙСКАЯ ОБЛАСТЬ.

ОЧЕРКЪ.

Цѣна 25 к.

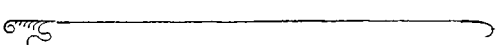


МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и №, Пименовская ул., собств. домъ.
1902.

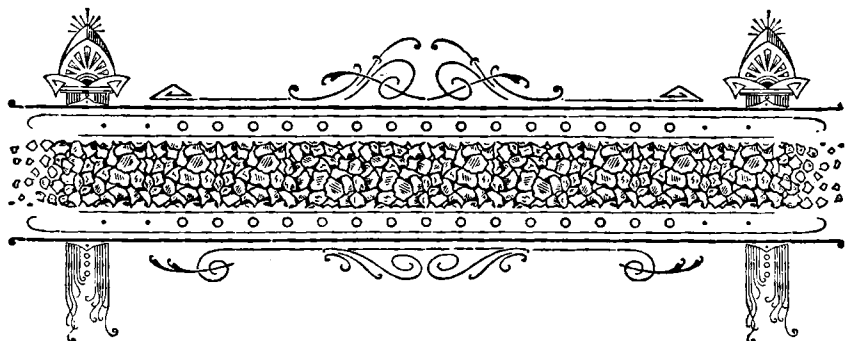


Дозволено цензурою. Москва, 17 мая 1902 г.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Глава I. Географическое положеніе, орошеніе, климатъ, населеніе, нравы и обычаи	1—10
„ II. Попытки къ завоеванію Ахаль-Теке въ 1877—1878 г.г., неудачный походъ ген. Ломакина въ 1879. Рекогносцировка ген. Скобелева въ 1880 г. . .	10—19
„ III. Походъ ген. Скобелева. Покореніе Текинскаго оазиса	19—30
„ IV. Покореніе Мервскаго оазиса. Вліяніе русскаго владычества на экономическую сторону страны .	30—35



Закаспійская область.

И прошли, мы степь, какъ море,
Сквозь песчаный ураганъ...
Тамъ онъ ходитъ на просторѣ,
Мчитъ съ кургана на курганъ...
Птица рѣдко тамъ летаетъ,—
Тамъ песокъ летитъ столбомъ...
Изъ казачьей пѣсни.

I.

Было время, когда Закаспійскій край съ его туркменскими ханствами рисовался всякому русскому человѣку чѣмъ-то настолько далекимъ, недостижимымъ, покрытымъ такими ужасами природы и людей, что одна мысль попасть въ эту неизвѣстную страну заставляла не разъ подумать о своей судьбѣ, которая ожидала каждаго путника, рискнувшаго туда отправиться. Теперь все это отошло въ вѣчность. Пароходъ, отвалившій отъ Астрахани, черезъ пять дней привозитъ васъ въ Красноводскъ—портъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря и начальный пунктъ желѣзной дороги. Меньше чѣмъ въ трое сутокъ поѣздъ промчитъ васъ черезъ всю, когда-то мертвую, неумолимую, безводную пустыню, и вы уже въ Самаркандѣ, главномъ городѣ Ферганской области, священномъ для туркменъ, подъ стѣнами котораго 25 лѣтъ тому назадъ не мало было пролито русской крови.

Въ настоящее время, особенно съ проведеніемъ рельсоваго пути, вся Закаспійская область въ рукахъ правленія русскихъ; не по днямъ, а по часамъ растутъ въ ней русскія поселенія, промышленность развивается, торговля растеть быстро, какъ съ прежними врагами—ханствами Хивинскимъ и Бухарскимъ, такъ и съ другими сосѣдями—Персіей и Афганистаномъ, съ которыми она граничитъ съ юга.

На сѣверѣ Закаспійская область имѣетъ границей Уральскую область и хивинскія владѣнія, на востокъ—бухарскія, на западѣ—Каспійское море. Все протяженіе границы съ Хивинскимъ ханствомъ составляетъ около 850 в., съ Бухарскимъ — около 450 в., съ Персіей — около 990 вер. Западную границу Закаспійской области на протяженіе 2650 вер., не считая мелкихъ изгибовъ, составляетъ Каспійское море, съ нѣсколькими удобными судовыми бухтами, какъ-то: Тюбъ-Караганъ, Муравьева (Красноводскъ), Узунъ-Ада и другія. Отличительная черта Закаспійской области это—крайняя бѣдность въ водѣ. Попадаются мѣста, гдѣ на пространствѣ въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ приходится не болѣе одной группы колодезевъ. При этомъ присутствіе соли въ почвѣ почти повсемѣстно, вслѣдствіе чего многія изъ водъ области пропитаны ею до такой степени, что становятся положительно негодными къ употребленію. Дожди составляютъ въ общемъ явленіе довольно рѣдкое, притомъ отличаются своебразностью: иногда ихъ не бываетъ въ теченіи значительнаго промежутка времени, иногда же они имѣютъ характеръ ливней, производящихъ значительныя опустошенія. Такіе дожди переполняютъ всѣ ручьи, въ обыкновенное время имѣющіе весьма незначительное количество воды, и заставляютъ ихъ выходить изъ береговъ.

При безводіи и бездождіи культура Закаспійской области возможна только тамъ, гдѣ имѣется искусственное орошеніе. Дѣйствительно, обрабатываются мѣста лишь

только вдоль хребта Копеть-Дагъ, гдѣ стекающія съ горъ ручьи и рѣчки даютъ необходимую влагу для, такъ называемаго, Ахаль-Текинскаго оазиса.

Огромная часть Закаспійской области представляетъ собою пустыню, заполненную песками. Всѣ эти пески носятъ названіе «Кара-Кумъ», что по-туркменски значитъ «черный песокъ»; но названіе это не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ темноватые, сѣрые пески встрѣчаются очень рѣдко; большинство же ихъ обладаетъ грязно-желтымъ и красно-желтымъ цвѣтомъ. Большею частью пески представляютъ или равнину съ песчаною почвой, или песчаное море голыхъ, сыпучихъ «бархановъ» (бугровъ, подобно копытной кости лошади), переносимыхъ вѣтрами съ одного мѣста на другое. Высота бархановъ незначительна: большинство возвышается надъ поверхностью земли всего на 15—25 футовъ. Растительность барханныхъ песковъ чрезвычайно скудная и состоитъ лишь изъ небольшихъ пучковъ травы «селина», или «силау.» Движеніе по этимъ пескамъ до крайности затруднительно: лошади вязнуть и едва вытягиваютъ ноги изъ песка; самое движеніе должно совершаться съ большою осторожностью, чтобы не сбиться съ пути, который при малѣйшемъ вѣтрѣ заносится пескомъ и дѣлается невидимымъ. Вообще движеніе въ барханныхъ пескахъ довольно опасно, и только очень опытные и знающіе дорогу проводники рѣшаются проходить по нимъ.

Вода въ пескахъ встрѣчается лишь въ колодцахъ, состоящихъ иногда на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, и въ «какахъ» (дождевыхъ ямахъ). Въ настоящее время страна значительно болѣе обезпечена водой, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Помимо рѣкъ, родники составляютъ одинъ изъ важныхъ отдѣловъ воднаго богатства области. Они расположены преимущественно въ горной полосѣ, и число ихъ въ настоящее время съ каждымъ годомъ сильно возрастаетъ. Въ общей сложности въ

предѣлахъ Закаспійской области находится свыше 10.000 колодцевъ, причѣмъ большая ихъ часть сосредоточена въ мѣстахъ почти или совсѣмъ лишенныхъ проточной воды, въ видѣ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ. Вода во всѣхъ почти колодцахъ болѣе или менѣе солоноватая; колодцы же съ совершенно прѣсною водою встрѣчаются сравнительно рѣдко и расположены преимущественно на небольшомъ разстояніи отъ краевъ песчаной пустыни Кара-Кумъ. Глубина колодцевъ бываетъ различна и колеблется отъ $1\frac{1}{2}$ —2 аршинъ до 20—40 сажень, но большая часть ихъ имѣетъ глубину 4—10 саж. Большинство колодцевъ устроено слѣдующимъ образомъ: сверху, весьма небольшое отверстіе діаметромъ $\frac{3}{4}$ —1 арш., обдѣлано вѣтвями саксаула; далѣе колодецъ идетъ, быстро расширяясь внизъ, съ обдѣлкой или безъ нея, въ зависимости отъ качества грунта; чѣмъ бѣднѣ колодецъ водою, тѣмъ онъ шире у дна для увеличенія притока воды. Желаніе замедлить засореніе колодца служить причиной малыхъ размѣровъ отверстія; для той же цѣли колодцы всегда оканчиваются на уровнѣ земли, особенно въ пескахъ, гдѣ замѣчено свойство песка переноситься къ высокимъ предметамъ, а потому если бы отдѣлка возвышалась надъ землею, колодецъ былъ бы засыпанъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Помимо колодцевъ, вторымъ воднымъ подспорьемъ страны служатъ керизы. Керизомъ называется искусственный подземный ручей, всегда обильный хорошей, прѣсною водою.

Для устройства кериза обыкновенно выбираютъ стокъ долины и вдоль ея выкапываютъ колодцы, въ разстояніи одинъ отъ другого до 20 саж. Когда колодцы выкопаны, то ихъ соединяютъ подъ землею сплошной галлереей. Наиболѣе искусственными строителями керизовъ считаются Персы; большіе знатоки этого дѣла.

До покоренія русскими Ахаль-Текинскаго оазиса, въ немъ было весьма небольшое число керизовъ, да и тѣ болѣею частью были разрушены; съ занятіемъ же этого

края нами потребность въ водѣ значительно усилилась, и жители приступили къ исправленію заброшенныхъ и къ устройству новыхъ керизовъ.

Въ такомъ жаркомъ климатѣ при сухости воздуха, какимъ является климатъ Закаспійской области, произрастаніе хлѣбныхъ растений при совершенномъ отсутствіи дождей въ теченіе почти всего лѣта, только и возможно при искусственномъ орошеніи; въ виду этого населеніе съ немалой затратой времени и труда выводитъ изъ имѣющихся по близости рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ и родниковъ воду и распускаетъ ее при помощи цѣлой сѣти арыковъ (канавъ) и керизовъ по землямъ, предназначеннымъ для посѣва. Правомъ пользоваться водой могутъ только основные жители даннаго мѣста, всѣ же, позже поселившіеся, правъ на воду не имѣютъ, а принуждены покупать или арендовать ее.

Благодаря сильной жарѣ, сухости воздуха въ теченіи всего лѣта при отсутствіи дождей, растительность Закаспійской области крайне скудна и однообразна, лѣсовъ вовсе не встрѣчается, древесная растительность имѣется только въ горныхъ мѣстностяхъ и въ оазисахъ. Въ песчаной полосѣ находятся громадныя заросли саксаула, кандума и другихъ кустарныхъ породъ, но въ настоящее время онѣ отстоятъ отъ линіи желѣзной дороги не ближе 30—40 верстъ. Кормовыя травы держатся въ теченіе всего лѣта лишь на возвышенныхъ горныхъ склонахъ, по долинамъ рѣкъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ родниковъ и колодезевъ; во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ съ наступленіемъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ, травы выгораютъ, хотя и въ этомъ видѣ могутъ служить хорошимъ кормомъ для скота. Травы вновь появляются съ наступленіемъ осеннихъ тумановъ и дождей, причемъ и старыя, высохшія травы оживляются и становятся пригодными въ пищу.

Благодаря исключительнымъ климатическимъ условіямъ, сильныя лѣтнія жары, рѣзкія колебанія въ температурѣ

воздуха днемъ и ночью, — и по причинѣ искусственнаго орошенія населенныхъ пунктовъ при посредствѣ арыковъ и заливки полей водой, что развиваетъ гніеніе почвы, климатъ Закаспійской области нельзя назвать здоровымъ. Населеніе области и войска сильно страдаютъ отъ перемежающейся лихорадки, маляріи и дизентеріи. Кромѣ общихъ заболѣваній, Закаспійская область имѣетъ характерныя болѣзни: это пендинская язва и проказа.

Пендинская язва, хотя и незаразительна, ослабѣваетъ при соблюденіи чистоты и всегда оканчивается выздоровленіемъ, но по характеру болѣзни она ужасна. Тѣло, преимущественно открытыя части, какъ-то: лицо и руки, покрываются язвами, число которыхъ доходитъ нерѣдко до ста; болѣзнь длится отъ четырехъ мѣсяцевъ до одного года и болѣе, и язвы оставляютъ послѣ себя рѣзкіе рубцы.

Другая еще болѣе ужасная и, кромѣ того, неизлѣчимая болѣзнь, это — проказа.

Проказа различается двухъ видовъ: простая и злокачественная.

Туземцы уже издавна считаютъ проказу заразительной болѣзью.

Вѣрнаго средства противъ этой болѣзни еще не найдено. Въ древнія времена прокаженные должны были жить внѣ селеній, чтобы не заражать другихъ; садились въ пепель, въ знакъ глубокой скорби, и пепломъ присыпали свои язвы или раны, чтобы насѣкомыя не расправляли ихъ, черепкомъ или чѣмъ-либо другимъ чесали свое тѣло, чтобы утолить зудъ.

Очень интересенъ способъ изоляціи прокаженныхъ, практикуемый и въ настоящее время гассанъ-кулинцами (въ аулѣ у устья р. Атрека). Они для этой цѣли отводятъ больному отдѣльную кибитку (у богатыхъ) или отводятъ въ общей кибиткѣ уголь, который отдѣляютъ отъ остальной части кибитки рядомъ камешковъ или просто начерченнымъ кругомъ. Но при этомъ больному

дается отдѣльная посуда, и всѣ избѣгаютъ близкаго соприкосновенія съ нимъ.

Численность населенія Закаспійской области равняется около 350.000 чел., изъ которыхъ болѣе 300.000 туземцевъ, а русскаго населенія не болѣе 50.000 чел. Вообще населенность области настолько слабая, что на 100 кв. верстъ приходится всего лишь 16 кибитокъ и около 70 человѣкъ обоого пола туземцевъ. Наиболѣе населенный—Мервскій оазисъ.

Главною народностью Закаспійской области являются туркменскія племена, изъ которыхъ первое мѣсто, по своему числу и значенію, принадлежитъ племени „Теке“ (что значитъ козелъ), поселившемуся главнымъ образомъ въ Ахаль-Текинскомъ, Мервскомъ и Тедженскомъ оазисахъ, давшихъ имъ названіе Ахаль-Теке, Мервъ-Теке, Тедженъ-Теке.

Къ туркменскому племени, кромѣ текинцевъ, принадлежатъ сарыки, гокланы и др.

Всѣ туркмены довольно высокаго роста, статнаго и крѣпкаго сложенія; малорослые и болѣзненные люди среди нихъ встрѣчаются рѣдко благодаря тому, что, по причинѣ суроваго образа жизни при кочевой обстановкѣ, всѣ слабые умираютъ прежде достиженія совершеннолѣтія. Несмотря однако на такія физическія качества, текинцы по характеру своему лѣнны и мало расположены къ усиленнымъ трудамъ. Всѣ встрѣчающіеся въ аулахъ сооруженія, какъ-то: укрѣпленіе водопроводовъ и болѣе солидныя постройки, созданы въ прежнее время руками плѣнныхъ персіанъ, да и въ настоящее время въ этихъ работахъ текинцы при очисткѣ старыхъ или проведеніи новыхъ керизовъ прибѣгаютъ къ содѣйствію тѣхъ же персовъ. Даже деревянныя части кибитокъ сплошь и рядомъ приобрѣтаются ими отъ хивинцевъ или бухарцевъ. Единственное занятіе, которое всецѣло лежитъ на текинцѣ, это — обработка полей. Весь остальной трудъ по домашнему

хозяйству, по выдѣлкѣ матеріаловъ для одежды семейству, для покрытія кибитокъ и выдѣлка ковровъ составляетъ обязанность женщинъ. Даже установка кибитокъ при переходахъ съ одного мѣста на другое исполняется большею частью женщинами. Мужчины текинцы носятъ бороды, усы и брѣютъ головы какъ татары. Ходятъ въ сорочкахъ и шароварахъ изъ бумажной матеріи, а сверху носятъ полосатые или цвѣтные халаты, подпоясанные ремнемъ или шерстянымъ кушакомъ, за который вкладывается ножъ; кушакъ служить также для храненія денегъ, чая, сахара и употребляется въ случаѣ надобности вмѣсто полотенца и платка. Обуваются въ сапоги, кто побогаче, а бѣдные носятъ опорки изъ верблюжьей кожи и онучи. На головахъ носятъ высокія бараньи шапки, что придаетъ имъ росту и суровости, а подъ шапкой—ермолка. Черезъ плечо надѣваютъ шапку и ружье съ особыми сошками для стрѣльбы. Текинцы отлично владеютъ оружіемъ и большіе мастера рубиться, такъ что имъ нѣтъ почти равныхъ соперниковъ во всей Азіи. Ко всему этому они лихіе наѣзтники. „Текинецъ на лошади не знаетъ ни отца, ни матери“, говорятъ они сами про себя.

Текинецъ гостепріименъ, и гостепріимство считаетъ своимъ священнымъ долгомъ. Всякій гость можетъ быть увѣренъ въ безопасности своей и своего имущества, разъ онъ вступитъ въ кибитку перваго подвернушагося текинца. Помимо гостепріимства, текинецъ держитъ свое обѣщаніе, относится съ уваженіемъ къ старикамъ и безусловно повинуется требованіямъ властей. Въ умственномъ отношеніи текинецъ не отличается ни сообразительностью, ни воспріимчивостью. Грамотность между ними начала развиваться лишь въ послѣднее время, съ занятіемъ края русскими. Въ прежнее время текинецъ, умѣющій читать встрѣчался рѣдко, а знавшій кромѣ чтенія и письмо, какъ исключеніе. Въ семьѣ текинецъ — глава дома и

пользовался неограниченными правами: убійство дѣтей не подлежало наказанію, равно и убійство жены за измѣну. Всѣ туркмены, мусульмане, но большею частью мало религіозны и совершенно не фанатичны.

Во всей Закаспійской области трудно встрѣтить муллу, т. е. мусульманскаго священника; ихъ у текинцевъ замѣняютъ ишаны—среднее между священнослужителемъ и колдуномъ, богослуженіе котораго бываетъ обязательно обставлено разными таинственностями. Придерживаясь того взгляда, что „Богу молиться можно вездѣ“, лишь бы молитва шла отъ чистаго сердца, мечетей у текинцевъ тоже не имѣется. Какъ и у прочихъ восточныхъ народовъ, у текинцевъ въ большомъ почетѣ „дервиши“—собственно говоря, бродячіе нищіе съ религіозною подкладкой, поставившіе себѣ цѣлью жизни одни—хожденіе на поклоненіе могиламъ святыхъ, другіе—постоянное памятованіе о величіи Божьемъ, третьи—непрестанное занятіе „сикрами“ (произношеніемъ имени Божьяго) и „телкинами (гимнами). Нерѣдко такой дервишъ до тѣхъ поръ изъ всѣхъ силъ выкрикиваетъ; „Я ху, я хакъ! Ла иллахи, илла ху!“*), пока съ другими участниками моленія не сдѣлается припадокъ падучей болѣзни, что у правовѣрныхъ носитъ названіе „медшцубъ“, т. е. пришедшій въ восторгъ, восхищенный божественной любовью. Въ этомъ состояніи дервиша народъ видитъ чудодѣйственную силу, которою пользуются для исцѣленія больные, увѣчные, неплодныя женщины и т. п. Понятно, благодаря такому взгляду народа на дервиша, всѣ они высоко чтимы и желанныя гости въ каждомъ кочевьѣ, хотя большинство изъ нихъ записные лѣнтыи, которые подъ покровомъ бѣдности набираютъ себѣ капиталы и, разбогатѣвъ, пускаются въ торговля предпріятія.

*) „Да это онъ! Онъ справедливъ! Нѣтъ другого Бога, кромѣ Бога“.

Обыкновенно же всѣ религіозные обряды при рожденіи, погребеніи, женитьбѣ и т. п. совершаются всякимъ могущимъ кое-какъ прочесть или проговорить соотвѣтствующую молитву. Рожденіе сына ознаменовывается разсылкой съ нарочнымъ извѣстій роднымъ и знакомымъ, затѣмъ слѣдуютъ поздравленія, угощенія, которыя оканчиваются скачками; рожденіе дочери проходитъ незамѣченнымъ. Любимѣйшее развлеченіе текинцевъ это—скачки, которыя устраиваются ими при каждомъ удобномъ случаѣ, иногда даже при постановкѣ новой кибитки. По вечерамъ текинцы собираются часто у порога чьей—нибудь кибитки для бесѣды, и рассказываются воспоминанія. Встрѣчаются, хотя рѣдко, музыканты и народные пѣвцы. Музыкальные инструменты составляютъ: балалайка, на которой натянуты двѣ жильныхъ струны, затѣмъ нѣчто въ родѣ скрипки о трехъ металлическихъ струнахъ, съ волосянымъ смычкомъ, и дудки изъ камыша. Но музыкальнаго слуха у текинцевъ нѣтъ, и музыка у нихъ весьма нестройная.

Въ домашней жизни текинцы крайне неопрятны и нечистоплотны. Обыденная пища ихъ до-нельзя неприхотливая и состоитъ изъ «чурека» (родъ лепешки), верблюжьяго или коровьяго молока, каши изъ растертой «джугары» (родъ проса), иногда изъ горячей похлебки, состоящей изъ такого-же молока съ водой или навару изъ бураковъ съ кунжутнымъ масломъ, а у болѣе достаточныхъ съ прибавкой для навару сушеной баранины или копченаго жира. Пловъ, баранье или верблюжье мясо составляютъ роскошь только у болѣе состоятельныхъ и то по случаю празднествъ, какъ-то свадьбъ, рожденіе сына и т. п.

Для питья текинцы готовятъ «чалъ», напитокъ изъ верблюжьяго или коровьяго молока. Чалъ имѣетъ сладко-кислый вкусъ и спиртуозенъ; послѣ двухъ, трехъ выпитыхъ чашекъ этого напитка туркменъ становится веселѣе, а подчасъ даже хмелѣетъ. Чай тоже въ большомъ употребленіи. Приготовленіе всей указанной пищи,

какъ вообще всѣхъ домашнихъ работъ, лежитъ на обязанностяхъ женщинъ. По отношеніи выхода замужъ дѣвушка вполне зависитъ отъ отца или братьевъ, которые продаютъ ее желающему купить себѣ въ жены, а получаемый за нее калымъ присваиваютъ въ свою пользу. Текинки выходятъ замужъ очень рано; дѣвушка, не вышедшая замужъ двадцати лѣтъ, не имѣетъ уже никакихъ шансовъ на замужество. Обыкновенный возрастъ невѣсты отъ 13 до 18 лѣтъ—возрастъ ранній, что конечно, сильно отзывается на здоровьѣ женщины и дѣлаетъ ихъ уже къ 30 годамъ пятидесятилѣтними старухами.

Какъ и у русскаго народа, сваты у текинцевъ играютъ немаловажную роль въ переговорахъ относительно калыма и другихъ условій брака. Нерѣдко первые сговоры дѣлаются, когда жениху бываетъ всего 3—4 года, а невѣста еще въ пеленкахъ. Пока они растутъ, родители понемногу уплачиваютъ другъ другу калымъ, который окончательно уплачивается уже самимъ женихомъ, будучи взрослымъ. Для этой цѣли онъ ѣдетъ съ товарищами въ аулъ невѣсты, но, не доѣхавъ версты, останавливается, слѣзаетъ съ лошади и посылаетъ невѣстѣ подарки. Въ свою очередь женщины и дѣвушки выходятъ изъ аула навстрѣчу жениху съ угощеніемъ, и, послѣ цѣлаго ряда выкуповъ съ жениха, устанавливается для него въ степи кибитка и совершается самый бракъ еще до свадьбы, какъ бы тайно отъ отца невѣсты. Точно также черезъ 2 недѣли женихъ пріѣзжаетъ второй разъ и, наконецъ, въ третій разъ привозитъ остальной калымъ, богатые подарки будущей тещѣ и угощеніе для свадьбы, послѣ чего женихъ съ невѣстой живутъ уже открыто и совершается обрядъ вѣнчанія. Передъ свадебнымъ ужиномъ разстилаютъ ковры, на нихъ становятся женихъ и невѣста, отецъ невѣсты держитъ въ рукахъ чашку съ водой и кольца; ишанъ прочтетъ молитву, дѣлая какіе-то кабалистическіе жесты въ воздухѣ, всѣ выпиваютъ воды изъ чашки, и обрядъ конченъ.

Съ выходомъ замужъ дѣвушка поступаетъ въ полную собственность мужа. Тяжелое семейное положеніе текинскій дѣвушки и женщины заставляетъ ихъ стремиться сбросить съ себя иго это, возлагая надежды на благотѣльное вліяніе русской власти. Съ покореніемъ края русскими цѣны на дѣвушекъ все возрастаютъ, доходя послѣдніе годы до 250 руб. и даже до 1,500 руб. Благодаря такому положенію дѣлъ, воровство встрѣчается зачастую, какъ результатъ условій добыванія себѣ жены, а не какъ результатъ нравственной испорченности или неимѣнія средствъ къ жизни. Настоятельная потребность имѣть жену и отсюда желаніе во что бы то ни стало достать себѣ необходимую для этого сумму денегъ, служить главной причиною, толкающей на воровство. Текинская женщина независимо ведетъ хозяйство и играетъ видную роль въ перекочевкахъ. Кромѣ того, женщина вноситъ въ семью не малый доходъ, получаемый за работу кошемъ, паласовъ и ковровъ. Во многихъ случаяхъ женщины проявляли большое мужество. Текинскія женщины принимаютъ участіе и въ общественныхъ дѣлахъ текинцевъ. Костюмъ женщинъ составляетъ платье изъ бумажной матеріи, у молодыхъ, краснаго цвѣта, у болѣе пожилыхъ клѣтчатое; голова повязывается платкомъ, платье подпоясывается во время работы шерстянымъ кушакомъ. Поверхъ платья, когда холодно, одѣваютъ особые женскіе халаты; на ноги надѣваютъ шерстяные носки и туфли. При выходѣ изъ дома поверхъ платка накидываютъ большой кусокъ матеріи, въ которомъ носятъ за спиной своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Ротъ закрываютъ особымъ платкомъ, концы котораго обшиты серебряными украшеніями.

Между текинцами существуетъ кровомщеніе такъ же, какъ и между многими другими азіатскими народами, но здѣсь оно не имѣетъ такого кроваваго характера, какъ напримѣръ, между кавказцами-горцами, и въ большинствѣ случаевъ прекращается уплатой денежнаго штрафа.

Тѣ изъ текинцевъ, у которыхъ много скота, кочуютъ со своими стадами около оазиса въ пескахъ, гдѣ роютъ колодцы для поила скота, и около особенно водныхъ колодцевъ становятся таборами, каждый родъ порознь отъ другого, по-семейно. Когда скотъ поѣсть всю траву около колодцевъ, таборъ снимается и идетъ дальше къ другимъ колодцамъ, гдѣ еще не побывалъ кто-либо другой. Колодцы, обильныя водой, почитаются какъ святыня. Обыкновенно около нихъ устраиваютъ и кладбище.

Весьма симпатичные своею храбростью, гостепріимствомъ, любовью къ своей землѣ, текинцы имѣютъ и много отталкивающихъ качествъ. Они жестоки, вѣроломны, завистливы и прожорливы. Въ числѣ ихъ пословицъ находятся слѣдующія:

«Кто взялся за рукоять сабли, тотъ не ищетъ болѣе никакого предлога».

«Гдѣ городъ, тамъ нѣтъ волка; гдѣ туркменъ, тамъ нѣтъ мира».

Всѣ главныя работы у текинцевъ производились, кромѣ женщинъ, еще невольниками. Со своими невольниками текинцы обращались крайне жестоко. Закованные въ кандалы, почти неодетые, подъ палящимъ солнцемъ и ударами жестокихъ господъ, работали безустали эти несчастные, получая за свой страшный трудъ лишь объѣдки со стола, наравнѣ съ собаками, и то не досыта.

Горе рабу, если онъ вздумалъ бѣжать и былъ пойманъ! Его увѣчили такъ, что онъ никогда уже больше не могъ уйти: ему подрѣзывали поджилки или выкалывали глаза, и въ цѣпяхъ онъ вращалъ ручные жернова или рылъ канавы и колодцы. Если же невольникъ становился неспособнымъ къ работѣ, его убивали, какъ старую, полухвостую собаку.

Но не всѣхъ плѣнныхъ текинцы оставляли при себѣ для работъ: оставалось лишь малая часть, необходимая для домашняго обихода; большинство же продавалось въ

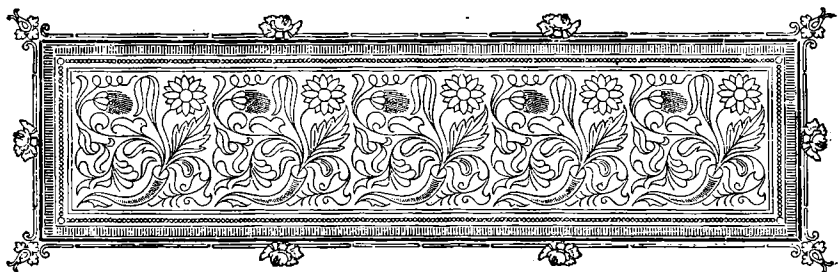
неволю въ Хиву, Бухару и другія страны. Такая торговля людьми была для текинцевъ выгоднѣе землепашества и скотоводства, а потому все племя поголовно занималось грабежомъ всѣхъ окрестныхъ странъ и особенно Персіи. Прочія туркменскія племена по своему быту мало отличаются отъ текинцевъ. Нѣсколько иную жизнь ведетъ племя Гокланъ.

Гокланы всѣ занимаются хлѣбопашествомъ и только по окончаніи посѣва озимыхъ хлѣбовъ, приблизительно въ концѣ ноября мѣсяца, откочевываютъ со всѣмъ своимъ скотомъ въ горы, гдѣ и располагаются, разбиваясь на группы въ 3—4 кибитки каждая, время отъ времени переходя на новыя мѣста. Къ концу уборки хлѣбовъ гокланы спускаются въ долину.

До присоединенія края къ Россіи аламанство (разбой въ обширныхъ размѣрахъ) и калтаманство (мелкое воровство), т. е. повальные разбой и воровство были, одними изъ главныхъ занятій туркменъ, и благодаря этому земледѣліе и скотоводство были на второмъ планѣ, торговля не существовала, если не считать перепродажу цѣлыхъ партій женщинъ и дѣтей, захваченныхъ въ неволю при аламангахъ. Аламанъ направлялись главнымъ образомъ въ сторону Персіи и производились вполне организованнымъ порядкомъ и часто весьма многочисленными партіями. Персы не разъ пробовали смирить текинцевъ и высылали противъ нихъ значительныя силы, но воинственные, храбрые текинцы большею частью наносили персидскимъ войскамъ пораженія. Текинцы на своихъ неутомимыхъ коняхъ могли проходить огромныя разстоянія, появляться и исчезать внезапно. Въ набѣгахъ, кромѣ конныхъ, принимали участіе и пѣшіе туркмены, которые ѣхали на верблюдахъ. Отправляясь на аламанъ въ Персію, гдѣ всякая пограничная деревня окружена высокою глиняною стѣной, текинцы брали съ собою складныя лѣстницы для штурма. Скрываясь до наступленія темноты, туркмены въ сумерки

внезапно врывались въ деревню, стараясь поспѣть къ мигу загона въ деревню скота, лѣзли на стѣны, рѣзали сопротивлявшихся, вязали беззащитныхъ. Въ то же время скотъ отгоняли въ заранѣе условленное мѣсто. Въ случаѣ неудобной для коннаго набѣга мѣстности, текинцы спѣшивались, подползали ночью къ стѣнамъ и на разсвѣтѣ штурмовали ихъ по лѣстницамъ. Во всѣхъ этихъ набѣгахъ у текинцевъ выработалась чрезвычайная способность къ одиночному бою холоднымъ оружіемъ, а также способность и любовь къ бою ночью. Не прошло и 60 лѣтъ со времени водворенія текинцевъ въ оазисъ Ахалъ, какъ всѣ окрестныя страны на многія сотни верстъ обезлюдѣли и опустѣли. Нѣкогда богатые оазисы, не воздѣлываемые болѣе человѣческими руками, занесло пескомъ. Оставленные безъ поддержки и расчистки, источники и каналы изсякли. Когда-то оживленные, селенія и города стояли безмолвными, и въ ихъ развалинахъ гнѣздились только шакалы. Торговля совершенно прекратилась. Только текинцы рыскали по этимъ странамъ, съ гордостью взирая на дѣло рукъ своихъ и похваляясь тѣмъ, что гдѣ пройдетъ текинцевъ,—тамъ не растетъ трава.





II.

Въ 1860 г. персіяне, доведенные до крайности грабежами туркменъ, предприняли противъ Мерва походъ съ многочисленною арміей, состоявшей изъ 13,000 человекъ пѣхоты, 10,000 кавалеріи и 33 орудій. Эти войска были на-голову разбиты текинцами. Ушла домой только часть кавалеріи, но пѣхота и всѣ орудія достались въ руки текинцевъ. Вслѣдъ за этою побѣдой цѣна на рабовъ на рынкахъ Бухары и Хивы пала до 7 р. 50 к. за cadaго персіянина.

Послѣ этого текинцы совершенно перестали бояться шаха персидскаго и продолжали грабить его страну. Нерѣдко шахъ и персидскіе губернаторы платили текинскимъ старшинамъ большія деньги, чтобы избавиться отъ грабежей. Тяжко страдалъ отъ всей этой неурядицы простой народъ. Но не въ шахъ персидскомъ и не въ своихъ губернаторахъ видѣли персы свое спасеніе. Ихъ взоры, ихъ надежды устремлялись къ Бѣлому царю, и только отъ русскихъ ждали персіяне спасенія. По-своему они горячо молили Бога, чтобы русскіе приходили поскорѣе. Дѣйствительно, Бѣлый царь не остался безучастнымъ къ горькой судьбѣ персовъ: съ этою цѣлью въ 1877 и въ 1878 годахъ со стороны Россіи были произведены попытки занять голову текинскаго оазиса.

Кизиль-Арватъ, но оба раза русскія войска, потерпѣвъ неудачу, принуждены были отступить, главнымъ образомъ, за недостаткомъ продовольствія и вообще благодаря плохой подготовки къ походу въ незнакомой странѣ. Признавъ себя побѣдителями русскихъ, текинцы съ еще большею смѣлостью стали производить набѣги на Персію. Чтобы снова поднять русское обояніе и умиротворить степь, въ январѣ 1879 г. рѣшено было сформировать сильный отрядъ, покорить текинцевъ и занять въ ихъ оазисѣ какой-либо пунктъ, удобный какъ для прочнаго обладанія оазисомъ, такъ и для устройства безопаснаго сообщенія съ Каспіемъ. Такимъ пунктомъ выбранъ былъ Геокъ-Тепе. Первоначально былъ назначенъ отрядъ въ 12,000 чел., но за недостаточностью перевозочныхъ средствъ и продовольствія въ походъ выступилъ отрядъ всего 6,000 человекъ. Для перевозки тяжестей было куплено и нанято 13,000 верблюдовъ. Начальникомъ отряда былъ назначенъ ген. Ломакинъ.

Текинцы, узнавъ о движеніи русскихъ, рѣшили всѣмъ жителямъ Ахала собраться въ Геокъ-Тепе, укрѣпиться около холма Денгиль-Тепе и защищаться до послѣдней капли крови. 28 августа русскія войска подъ командой генерала Ломакина подошли къ крѣпости и открыли огонь. Въ 5 ч. пополудни наши войска храбро бросились на штурмъ крѣпости, но, лишенная лѣстницъ, не могли взойти на стѣны, а тамъ, гдѣ и удалось это, они встрѣтили на стѣнахъ и внутри крѣпости отчаяннаго противника съ холоднымъ оружіемъ. Войска поколебались. Этимъ моментомъ воспользовался начальникъ текинцевъ Берды-Муради-ханъ; вскочивъ на бугоръ со знаменемъ, онъ крикнулъ: «Теперь настало время погибнуть или истребить всѣхъ русскихъ, выходите за мной!» И все, что было съ оружіемъ, кто съ пикой, кто съ ружьемъ, большинство съ ятаганами, бросилось съ оглушительными криками къ выходамъ. Масса текинцевъ съ ятаганами безъ

шапокъ и босикомъ ворвалась въ поле, прорвала передовыя русскія войска и ударила въ тылъ другимъ. Штурмъ былъ отбитъ. Потерявъ до 500 человекъ, русскія войска были принуждены отступить, преслѣдуемые текинцами.

Это пораженіе русскихъ тяжело отозвалось на положеніи нашемъ во всей Азіи. Покоренные нами народы подняли голову; полунезависимая Бухара и даже Хива увидѣли возможность не только борьбы, но даже побѣды надъ непобѣдимыми до тѣхъ поръ русскими войсками, и, безъ того грозное въ Азіи, племя текинцевъ окружилось ореоломъ непобѣдимости даже противъ русскихъ.

Ихъ подвиги, преувеличенные молвою, передавались жаднымъ слушателямъ на базарахъ Азіи, воспаляя и фанатизируя мусульманъ. Необходимо становилось повторить попытку и рѣшительнымъ ударомъ разгромить текинцевъ. Для обезпеченія отряда всѣми необходимыми припасами, какъ боевыми, такъ и продовольственными, рѣшено первоначально занять крѣпость Бами, лежащую по пути, въ 300 верстахъ отъ Красноводска и въ 115 верстахъ отъ Геокъ-Тепе, и устроить въ ней складъ всѣхъ припасовъ. Начальникомъ отряда былъ назначенъ генералъ Скобелевъ. Назначеніе начальникомъ отряда генерала Скобелева было встрѣчено съ восторгомъ какъ офицерами, такъ и солдатами, такъ какъ всѣ слышали про высокія воинскія доблести молодого генерала, побывавшаго въ Хивѣ и за Дунаемъ, и про его отеческую заботливость о нуждахъ солдатъ.

10-го мая отрядъ, силою около 2,500 человекъ, благополучно занялъ Бами (въ 115 вер. отъ Геокъ-Тепе), послѣ чего въ теченіе послѣдующихъ 5 мѣсяцевъ русскія войска, отбиваясь отъ партій текинцевъ, успѣваютъ перевезти отъ Каспійскаго моря до 800,000 пудовъ груза, послѣ чего русскимъ войскамъ уже не страшно стало болѣе оставить море и пустыню за спиной и смѣло двинуться въ глубь непріятельской страны. Въ этотъ промежутокъ времени ге-

нераломъ Скобелевымъ была произведена 6 іюля изумительная по своей смѣлости рекогносцировка крѣпости Геокъ-Тепе. Приводимъ подлинный рассказъ нашего талантливаго писателя А. В. Верещагина, какъ участника этой экспедиціи; «При первомъ взглядѣ на эту рекогносцировку, иному читателю покажется, что въ ней ничего особенно смѣлаго и не было, такъ какъ участниковъ было почти 800 человекъ, но, вникнувъ внимательно въ это дѣло, онъ пойметъ всю ея трудность. Надо помнить, что всего за годъ передъ этимъ нашъ же отрядъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Ломакина, около 4 тысячъ человекъ, сунулся было штурмовать Геокъ-Тепе и былъ съ великимъ урономъ отбитъ и прогнанъ, и вдругъ теперь подѣями же стѣнами появляются тѣ же русскіе, но только не тысячи, а сотни, тогда какъ защитниковъ крѣпости сосредоточилось со всего Ахаль-Теке около 30 тысячъ. При малѣйшей неудачѣ, спасенія отряда не было, — онъ долженъ былъ погибнуть, такъ какъ набѣгъ производился налегкѣ, безъ всякихъ запасовъ и воды, въ ста слишкомъ верстахъ отъ ближайшей помощи и при жарѣ выше 50 градусовъ. Но Скобелевъ считалъ необходимымъ, прежде чѣмъ двинуться изъ Бами къ Геокъ-Тепе съ главными силами, осмотрѣть самому крѣпость и, насколько возможно, ближе ознакомиться съ непріателемъ.

Отъ Бами до Геокъ-Тепе было 115 верстъ: отрядъ состоялъ изъ трехъ ротъ пѣхоты, изъ которыхъ двѣ Самурскаго полка, оставшихся еще здѣсь со времени прежней экспедиціи, были такъ слабы, что едва въ обѣихъ насчитывалось полтора ста человекъ; затѣмъ — трехъ сотенъ казаковъ, въ такомъ же слабомъ составѣ, четырехъ девятифунтовыхъ орудій, четырехъ картечницъ, ракетной команды и взвода саперъ. При этомъ надо сказать, что текинцы, какъ отчаянные кавалеристы, презирали нашихъ казаковъ, у которыхъ маленькія заморенныя лошади, конечно, не могли идти въ сравненіе съ ихъ пяти-вершковыми чуд-

ными аргамаками, а потому вся надежда отряда возлагалась на пѣхоту и артиллерію.

При Скобелевѣ находились, кромѣ начальника штаба, полковника Гродекова, еще капитанъ Баранокъ, капитанъ Ланге, поручикъ Ушаковъ, поручикъ Кауфманъ, я и поручикъ Эрдели.

1-го іюля выступили довольно поздно. Прошли всего 11 верстъ и заночевали въ аулѣ Беурмѣ. На другой же день мы тронулись еще до свѣта. Переходъ этотъ мы сдѣлали точно на крыльяхъ. Скобелевъ страшно любилъ бѣшеную скачку. Какъ только авангардъ нашъ, состоящій изъ джигитовъ-туркменъ, замѣтилъ впереди нѣсколько текинцевъ и далъ по нимъ залпъ, Скобелевъ съ кавалеріей бросается за ними въ погоню, совершенно забывая объ остальномъ отрядѣ. Помню, лошади, горячася одна передъ другой, закусивъ удила, неслись за генераломъ, — что дальше, то быстрѣе. Первый разъ въ жизни мнѣ пришлось такъ отчаянно долго скакать. Подъ копецъ я даже боялся за свою лошадь: какъ бы съ непривычки, думаю, не грохнулась она ѓ-земь, тогда заднія измелютъ меня въ порошокъ...

Подъ Скобелевымъ былъ въ этотъ день его любимый, бѣлый какъ снѣгъ, иноходецъ «Шейновъ». Кличка эта дана была ему за то, что на немъ генераль участвовалъ еще въ турецкой кампаніи 1877—1878 годовъ при взятіи дебевни «Шейнова». Любо было смотрѣть на нашего генерала, когда только что показавшіеся первые лучи солнца озарили его фигуру въ легонькомъ, сѣромъ пальто на красавцѣ «Шейновѣ», который, потемнѣвшій отъ поту, съ раздувшимися ноздрями, какъ вихрь, несясь по гладкой степи, обдавая себя облаками пыли... Оглядываюсь назадъ, смотрю, кавалерія наша—у-у-у—какъ растянулась. Только конвой осетинъ сплоченной массой, въ своихъ папахъ, въ развѣвающихся по вѣтру буркахъ, грозно слѣдовалъ за начальникомъ. Всѣ скачутъ молча, сосредоточенно, съ озабоченными лицами, слышится только стукъ

сотень копыт о песчаную почву, да фырканье и храпъ усталыхъ лошадей. Но вотъ показались темные сады аула Арчмана. Мы вносимся въ нихъ, соскакиваемъ съ лошадей и спѣшимъ укрыться въ тѣни деревь. Жара наступаетъ почти одновременно съ восходомъ солнца.

Черезъ нѣсколько часовъ подтянулся и остальной отрядъ. Мы отдыхали цѣлый день. 3-е и 4-ое іюля мы опять провели въ пути.

5-го іюля утромъ, съ одного небольшого пригорка мы, наконецъ, увидали калу «Ягинь-Батырь». Сама по себѣ кала эта представляла, какъ и всѣ здѣшнія калы, четырехугольникъ, обнесенный глиняными стѣнами, сажени въ двѣ вышиною, который служить загономъ для скота. Для насъ кала эта имѣла то важное значеніе, что за ней въ 12 верстахъ находилась главная крѣпость Геокъ-Тепе, гдѣ насъ ожидало все населеніе Ахала, вооруженное съ мала до велика и твердо рѣшившееся умереть за свою свободу.

Пристально смотрю я съ этого холмика. Передъ глазами на красно-желтоватой песчаной степи, верстахъ въ четырехъ, темнымъ пятномъ выдѣляются зеленые сады Ягинь-Батырь и затѣмъ опять тянется ровная степь. Геокъ-Тепе отсюда еще незамѣтно. Мы всѣ послѣзали съ лошадей и всматриваемся въ даль, но нигдѣ не видно ни души, Ягинь-Батырь кала тиха и мертва. Трогаемся дальше, направляемся къ калѣ и вслѣдъ за джигитами карьеромъ въѣзжаемъ въ сады. Былъ полдень, жара страшная. Мы всѣ обливаемся потомъ. Надо сказать, что еще при самомъ началѣ похода я слышался отъ участниковъ прежней экспедиціи множества чудесныхъ разсказовъ о текинцахъ, какъ объ удивительной кавалеріи, и о быстротѣ ихъ коней. Поэтому неудивительно, что меня съѣдало любопытство увидѣть поближе хоть одного текинца. Едва слѣзъ я съ лошади, какъ взбираюсь на переднюю глиняную стѣнку сада и смотрю въ бинокль.

— Вонъ, майоръ, видите тамъ, за гребнемъ горизонта, синеватый холмъ, это ихъ сторожевой курганъ,—объясняетъ мнѣ бравый артиллерійскій капитанъ Полковниковъ, отличившійся еще въ прошлую экспедицію противъ текинцевъ мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ.

— Тамъ у нихъ и пушка стоитъ, и они стрѣляютъ изъ нея въ торжественныя минуты и этимъ подаютъ сигналы.

Съ лихорадочнымъ интересомъ продолжаю всматриваться въ даль и вдругъ начинаю замѣчать, что изъ-за зеленоватаго гребня, скрывающаго горизонтъ, начинаютъ появляться всадники. Они длинными, безконечными вереницами спускаются съ гребня шагомъ въ нашу сторону, съ какимъ-то недоумѣвающимъ видомъ, точно они все еще сомнѣвались, чтобы мы, русскіе гяуры, осмѣлились такъ близко подойти къ ихъ столицѣ въ такомъ ничтожномъ числѣ.

Текинцы выползаютъ изъ загребня все больше и больше. Линія горизонта протянулась предо мной по крайней мѣрѣ верстъ на 10, считая влѣво отъ подножія горъ Копетъ-Дага до песковъ, которые, подобно морю, терялись въ пространствѣ.

Вдоль стѣнки, на которой я сижу, расположились кучки любопытныхъ солдатъ. Кое-гдѣ видны офицеры. Они тоже пристально наблюдаютъ за непріателемъ. Слышится восклицанія:

Ой, братцы, да какая же ихъ сила! Эва-но, вправо-то за курганомъ что ихъ скопилось!

Между тѣмъ текинцы все выползали и выползали изъ-за гребня. Приблизившись такъ на пушечный выстрѣлъ, они слѣзаютъ съ лошадей и съ поводьями въ рукахъ разсаживаются въ кучки. Мнѣ ясно видно въ бинокль, какъ изъ-за распахнувшихся на ихъ колѣняхъ коричневыхъ халатахъ виднѣлись вторые халаты не столь яркаго цвѣта. Большинство лошадей ихъ покрыты длиннѣйшими сѣрыми попонами. Текинцы съ замѣтнымъ любопытствомъ тоже

смотреть въ нашу сторону, разсуждаютъ между собой, при чемъ энергично размахиваютъ руками.

Стѣнка, гдѣ я сидѣлъ, была вся на солнцѣ. Несмотря на убійственную жару, я, какъ пригвожденный, все глядѣлъ и глядѣлъ, настолько картина передъ глазами была для меня нова и интересна. «Такъ вотъ они, текинцы!—думалось мнѣ.—Посмотримъ, чья возьметъ!» И въ восторгѣ, что, наконецъ, вижу давно желанныхъ текинцевъ, совершенно забываю о томъ, что ихъ чуть не въ 50 разъ больше, чѣмъ насъ. Въ эту минуту слышу позади себя сдержанный разговоръ:—«Повѣрь, милый ты мой, что наша кавалерія имъ нипочемъ. Вотъ «топъ-топъ» (пушки) они боятся, да еще пѣхоты. Это тоже имъ не по нутру, а казаки, попробуй,—хоть на минуту отдѣлись отъ пѣхоты—моментально изрубятъ».—Оглядываюсь, смотрю, два пѣхотныхъ офицера, изъ которыхъ одинъ участникъ прежней экспедиціи, высокій, рыжій, въ очкахъ, съ лицомъ, изрытымъ оспой, идутъ вдоль стѣнки и, не глядя на текинцевъ, сумрачно толкуютъ. «Вотъ увидишь, дѣло будетъ дрянъ! Чего онъ суется прямо имъ въ горло, много ли пась!»—слышу я. Разговоръ этотъ точно пробуждаетъ меня отъ какого-то очарованнаго сна, и я, озабоченный, отправляясь въ сады искать товарщey. Смотрю: Ушаковъ, Кауфманъ, Эрдели уже давно мирно почиваютъ подъ деревьями. Не успѣлъ я лечь отдохнуть, какъ генераль требуетъ меня къ себѣ и вручаетъ предписаніе. Изъ этого предписанія узнаю, что отрядъ завтра чуть свѣтъ выступаетъ подъ Геокъ-Тепе, я же долженъ немедленно привести калу въ оборонительное положеніе и запереться въ ней съ одною полуротой. Кромѣ того, мнѣ назначались въ помощь денщики, всѣ обозные, конюха, всѣ слабые и больные. Такъ что всего у меня скопилось около 70 человекъ и одна картечница. Кала должна была составлять для отряда опорный пунктъ.

Съ лихорадочною поспѣшностью бросаюсь выполнять

приказаніе. У меня оказались отличные помощники: прапорщикъ Панфиловъ и гардемаринъ Майеръ. Ко времени выступленія отряда весь мой гарнизонъ уже стоялъ на подмосткахъ и съ любопытствомъ выглядывалъ изъ-за стѣнъ. Входъ въ калу былъ крѣпко загороженъ и воды запасено на цѣлыя сутки.

Чуть свѣтъ отрядъ вытянулся изъ садовъ и направился къ Геокъ-Тепе. Я, какъ и наканунѣ, забрался на самое удобное мѣсто на стѣнѣ и уперся глазами въ бинокль. Впереди всѣхъ, какъ и во время всего движенія отъ Бами, скачетъ сухопшавый, съ рысьими глазами и точно выщипанною бородкой, начальникъ джигитовъ Нефесъ-Мергенъ, старый сподвижникъ Скобелева въ его хивинскихъ походахъ. Джигиты съ гикомъ несутся, размахивая локтями, и, точно ищейки, высматриваютъ по сторонамъ, не увидятъ ли гдѣ добычи. Впрочемъ, смѣлость ихъ основана исключительно на близости отряда. Во время движенія изъ Бами мы нѣсколько разъ случалось видѣть, чуть только гдѣ вдали покажется непріятель, они или останавливались, или маршъ-маршемъ скакали назадъ, пока не слышатъ знакомый, повелительный, картавый голосъ Скобелева: «Нефесъ-Мергенъ, пошелъ впередъ! Чего вы тутъ столпились, какъ зайцы! Въ плети велю гнать!» и тѣ круто поворачиваютъ назадъ и опять, какъ крыльями, размахиваютъ локтями.

Вначалѣ я разбираю всѣхъ въ лицо: вонъ генералъ на сѣрой могучей кобылѣ, тоже бывшей въ турецкомъ походѣ. Вонъ Ланге, вонъ Ушаковъ, Эрдели, вонъ Гродековъ на гнѣдомъ кабардинцѣ. Отрядъ двигается быстро, держась подножія горъ. Онъ такъ тѣсно сплоченъ, точно, какъ говорится, молотками сбитъ. Все дальше, дальше—уже отдѣльные лица теряются въ пространствѣ. Отрядъ направляется прямо на курганъ, верстахъ въ трехъ отъ нашей калы. Смотрю пристальнѣе и ясно вижу цѣлую шайку текинцевъ, притаившуюся въ тѣни кургана. Она

такъ ловко спряталась, что простому глазу была почти незамѣтна. Но вотъ тутъ-то наши джигиты и сослужили службу. Они живо открыли непріятеля и со страшнымъ крикомъ, который даже долетѣлъ до нашей калы, понеслись назадъ. Удивительно эффектную картину представили эти текинцы, когда вынеслись изъ за-кургана вслѣдъ за джигитами. Первые секунды ничего, кромѣ облака пыли, не было видно. Когда же оно разсѣялось, то надъ отрядомъ появляется бѣлое облако, слышится рѣзкій, шипящій взрывъ, взвивается ракета, и вся толпа текинцевъ поворачиваетъ назадъ и скрывается. Отрядъ все удаляется, съ каждымъ шагомъ становится все меньше и меньше и, наконецъ, превращается въ черную точку. Но вотъ со сторожевого кургана Геокъ-Тепе раздается вѣстовой сторожевой выстрѣлъ. Вглядываюсь въ ту сторону— клубъ бѣлаго дыма медленно вздымается къ небу. Солнце уже порядочно взошло и ярко освѣтило окрестности. Влѣво отъ меня виднѣлись безконечные, золотистые пески, вправо же, гдѣ двигался отрядъ, темнѣли фіолетовые скаты Копетъ-Дага, мѣстами покрытые лѣсомъ.

Впереди на горизонтѣ, изъ-за гребня холма начинаютъ опять появляться вереницы всадниковъ. Всматриваюсь пристальнѣе, чтобы убѣдиться, много ли ихъ, и просто поражаюсь. Полчаса тому назадъ горизонтъ былъ чистъ, только кое-гдѣ виднѣлись одиночные всадники. Теперь же, куда ни взглянешь — вездѣ текинцы. Но это уже не тѣ флегматичные зрители, что были вчера. Сегодня они точно напились какого-то дурмана. Съ ревомъ несутся изъ стороны въ сторону, сбиваются въ кучи и опять разсыпаются. За плечами у всѣхъ ружья съ рогатками. У нѣкоторыхъ за спиной на сѣдлѣ сидитъ еще по человѣку, это— должно быть бѣдняки, у которыхъ нѣтъ своей лошади. Свирѣпые крики ихъ ясно достигаютъ до нашихъ ушей.

— Ой, ой, что ихъ! Господи помилуй! Съ нами крестная сила! Царица Небесная!— слышатся мнѣ восклица-

нія моихъ солдатъ со стѣнъ. Точно муравьи внезапно растревоженнаго муравейника, тысяча текинцевъ усѣяли черными точками желтоватый горизонтъ. Первое время они носятся изъ стороны въ стороны, повидимому, безъ всякаго опредѣленнаго назначенія. Кричатъ, визжатъ, крутятся. Но вотъ понемногу они начинаютъ скопляться въ массы. Сердце мое начинаетъ биться сильнѣй. Вижу, что-то у нихъ затѣвается. Замѣчаютъ ли это наши? мелькаетъ у меня въ головѣ. Ищу отрядъ. Да гдѣ же онъ? Куда ни взгляну — вездѣ текинцы. Боже, сколько ихъ! Старательно слѣжу биноклемъ по подножію горъ и, наконецъ, настигаю своихъ.

— Фу, ты, Богъ мой, какая ихъ крошечная кучка! Неужели они устоятъ противъ этой громады?—и сердце мое невольно сжимается при одной мысли о неудачѣ. А вѣдь съ гибелью отряда гарнизону моему, конечно, тоже не было бы спасенія. Но уже такова человѣческая натура,—пока живъ, трудно свыкаться съ мыслью о смерти.

При томъ же, вся обстановка кругомъ была такъ нова, такъ торжественна, интересна. Самая природа съ ея ослѣпительно яркимъ солнцемъ и чуднымъ темносинимъ небомъ, прозрачнымъ, еще ненагрѣвшимся, свѣжимъ воздухомъ, такъ и тянула къ жизни.

— Бу-у-у!—раздается далеко, далеко впереди.

— Это наши, наши! Съ живѣйшей радостью кричатъ мои солдаты. Въ калѣ подымается сильнѣйшее оживленіе. Всѣ, даже слабые, прилегшіе было отдохнуть, повзлѣзали на стѣнку и давай смотрѣть. Но простымъ глазомъ трудно что-либо разобрать. Только клубы бѣлаго дыма, взвивающіеся по временамъ въ воздухъ, указывали направленіе отряда. Смотрю въ бинокль и невольно опять прихожу въ ужасъ. Такого количества кавалеріи, какое скопилось въ эту минуту въ полуверстѣ отъ отряда, я никогда не видывалъ. Что передъ ней тѣ двѣ, три дивизіи, которые бывали въ Красномъ селѣ въ лагеряхъ, на

ученіи всей кавалеріи или на парадахъ! Ничто. Тутъ скопище тысячъ въ десять всадниковъ, по крайней мѣрѣ. И передъ этимъ-то скопищемъ кровожадныхъ звѣрей въ образѣ человѣческомъ, съ ножами въ зубахъ, съ шашками на-голо, бѣлѣтъ кучка нашихъ, едва-едва замѣтная въ бинокль. Смотрю чуть правѣе и вижу: такая же многотысячная толпа текинцевъ, только уже разсѣянная нашими пушечными выстрѣлами, уносилась во весь карьеръ, преслѣдуемая облакомъ пыли. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, отрядъ нашъ все подается впередъ, окруженный непріателемъ. Ясно, что у него нѣтъ твердой, руководящей силы, которая сумѣла бы заставить ихъ, несмотря на наши выстрѣлы броситься и смять гяуровъ. Въ безсильной злобѣ они съ гикомъ выются возлѣ отряда и не даютъ ему ни минуты покоя. Но вотъ отрядъ заворачиваетъ правымъ плечомъ и прямокомъ направляется къ ихъ родному гнѣзду, т. е. къ Геокъ-Тепе, и вскорѣ скрывается за горизонтомъ. Довольно долго послѣ этого слышались еще наши выстрѣлы, но подъ конецъ и ихъ не стало. Когда они прекратились, невольно у каждаго изъ насъ закралось сомнѣніе, чтѣ-то будетъ? Послѣ прошлогодняго погрома нашего отряда въ нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ, понятно, непріатель теперь былъ увѣренъ, что или захватить насъ живьемъ, или уничтожить до послѣдняго.

Какъ теперь помню, съ какимъ томительнымъ ожиданіемъ проходили для нашего гарнизона эти часы. Какъ тревожно прислушивались мы, не раздастся ли пушечный выстрѣлъ. Вотъ уже и за полдень перевалило. Солнце, точно за-одно съ текинцами, разозлилось на насъ и печетъ немилосердно. Блеститъ такъ, что смотрѣть въ даль невозможно. Гарнизонъ почти весь, кромѣ часовыхъ, разбрелся по калѣ и улегся подъ примостками. Наконецъ, уже подъ вечеръ, такъ часа въ четыре, раздались давно желанные выстрѣлы, и на горизонтѣ показались толпы текинцевъ, а за ними и отрядъ. Онъ поминутно отстрѣ-

ливается, и то съ той, то съ другой стороны надъ нимъ взвиваются бѣлые дымки. Толпы текинцевъ, не столь многочисленныя, но, должно быть, самыя отчаянныя, казалось, по мѣрѣ приближенія отряда къ калѣ, все бѣшенѣ крутились возлѣ отряда. Имъ все очевиднѣ становилось, что гяуры ускользаютъ безнаказанно изъ ихъ рукъ. Но вотъ отрядъ все ближе, ближе. Непріятель точно снѣгъ на горячемъ солнышкѣ, быстро исчезаетъ, и—мы это ясно видимъ—Скобелевъ, все на той же сѣрой кобылѣ, шагомъ подѣзжаетъ къ садамъ. За нимъ слѣдуетъ Гродековъ и остальные. Кажется, всѣ, слава Богу, живы и здоровы. Я выѣзжаю къ генералу и рапортую о благополучіи, при чемъ замѣчаю, что лошадь подъ генераломъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ранена: красныя кровавыя пятна ярко выдѣлялись на сѣрой масти.

— Опасный, батенька, непріятель, очень опасный! А все-таки у него не хватило духу сдѣлаться съ нами!—весело кричитъ онъ мнѣ.

Рекогносцировка обошлась намъ въ нѣсколько человекъ убитыхъ и раненыхъ; непріятель потерялъ гораздо больше.

Казалось, съ возвращеніемъ нашихъ изъ-подъ Геокъ-Тепе опасность миновала. Но Скобелевъ отлично зналъ врага и былъ увѣренъ, что ночью на нашъ отрядъ будетъ нападеніе. Поэтому генераль рѣшилъ принять всевозможныя мѣры. Прежде всего необходимо было порубить обширныя сады, которыхъ по малочисленности нашей мы не могли занять. Все это было поручено капитану Баранку, и, надо правду сказать, просьбы были сдѣланы настолько широки, что положительно, только благодаря имъ, мы остались въ эту ночь цѣлы и невредимы. Опасенія Скобелева вполне оправдались. Непріятель отлично понималъ, что ночью пушки наши не могутъ быть имъ такъ опасны, и вся сила будетъ на ихъ сторонѣ.

Усталый, измученный отрядъ вскорѣ крѣпко заснулъ,

конечно, разставивъ смѣнные посты. Подъ утро я съ Ушаковымъ просыпаемся,—что-то такое щелкаетъ подлѣ насъ. Слышимъ: чаще, чаще. Да вѣдь это стрѣляютъ по насъ. Нападеніе!—догадываемся мы. Кидаемся къ генералу, но его уже давно Баранокъ разбудилъ, и оба они разбѣжались провѣрять сторожевыя цѣпи. Уже начало разсвѣтать, и непріятельскіе выстрѣлы прекратились. Потомъ оказалось, что текинцы ночью въ большихъ силахъ подползли садами близехонько къ отряду, но наткнулись на просѣки, которыя представляли широкія прогалины, и остановились. Притомъ же наши посты не отвѣчали на ихъ беспорядочную стрѣльбу и грозно молчали. Скобелевъ еще наканунѣ строго воспретилъ отвѣчать по одиночнымъ выстрѣламъ. И вотъ, эта-то тишина также напугала ихъ, черезъ что непріятель потерялъ драгоцѣнное время. Тьма разсѣялась, солнце блеснуло, и — „топъ-топъ“ — наши снова заговорили. Текинцы толпами отползли отъ садовъ на приличную дистанцію.

Часа черезъ два отрядъ благополучно выступилъ изъ Ягинь-Батырь и потянулся по старой дорогѣ, а черезъ три дня былъ въ Бами.

Рекогносцировка 6-го іюня имѣла громадное значеніе для дальнѣйшаго успѣха нашей экспедиціи. Кромѣ того, что Скобелевъ ознакомился съ характеромъ непріятеля, онъ лично осмотрѣлъ самую крѣпость, ея окрестности, и тѣмъ заранѣе обезпечилъ успѣхъ предстоящаго штурма. А что главное,—какъ генераль и рассчитывалъ,—возвратилъ бодрость духа бывшимъ участникамъ прежней Ломанькинской экспедиціи, коихъ было не мало въ нашемъ отрядѣ, а также сильно поднялъ престижъ нашъ въ Средней Азіи, который былъ страшно поколебленъ за послѣднее время.





III.

26-го ноября 1880 г. въ крѣпости Бами былъ отслуженъ торжественный молебенъ, войска по частямъ выступили изъ своего лагеря и двинулись по оазису къ Геокъ-Тепе, куда, какъ мы уже сказали, сосредоточилась вся масса текинцевъ со своими семьями со всѣхъ окрестныхъ поселеній. Пройдя болѣе 100 верстъ отъ Бами на востокъ долиною рѣки Чандыръ, горными, мало доступными тропами, Скобелевъ съ отрядомъ въ 2,000 человекъ въ ночь на 30 ноября неожиданно появился въ 12 верстахъ отъ Геокъ-Тепе и занялъ безъ боя непріятельскую деревню Егіанъ-Батыръ-кала, переименованную послѣ въ укрѣпленіе Самурское.

Непріятель, пораженный такимъ скорымъ появленіемъ русскихъ, заперся въ главной крѣпости и лишь послѣ полдня сталъ выходить сперва поодинокѣ, а къ вечеру цѣлыми толпами, не рѣшаясь однако же вступить съ нами въ бой; къ ночи непріятель вернулся въ крѣпость.

Между тѣмъ къ отряду Скобелева спѣшилъ другой отрядъ полковника Куропаткина (нынѣ военнаго министра), сформированный изъ войскъ Туркестанскаго округа, силою въ 800 чел., и двигавшійся съ сѣвера изъ Петро-Александровска (на Аму-Дарьѣ) черезъ хивинскія владѣ-

нія прямо на югъ къ Баши, куда и прибылъ благополучно 8-го декабря, сдѣлавъ 673 вер., пзъ нихъ 508 верстъ пустыней.

Начало рѣшительныхъ дѣйствій противъ Геокъ - Тепе было отложено до окончанія сосредоточенія въ Самурскомъ какъ войскъ, такъ и всѣхъ тяжестей изъ Баши. Ко 2-му декабря въ Самурскомъ сосредоточилось до 7,100 чел. Къ этому времени генераломъ Скобелевымъ была достаточно изучена какъ мѣстность у Геокъ-Тепе, такъ и сама крѣпость Денгиль - Тепе. По изученію внутренности крѣпости много помогъ бѣжавшій изъ плѣна рядовой Петинъ, взятый въ плѣнъ текинцами въ 1878 г. и пробывшій въ крѣпости болѣе года. Онъ содержался въ кандалахъ и выходилъ только въ ближайшія окрестности пасти верблюдовъ и собирать кизякъ. Для большей наглядности Петинъ вылѣпилъ въ Самурскомъ изъ глины прямо на землѣ большую модель крѣпости, которую ходили смотрѣть офицеры и нижніе чины. Эта модель, какъ оказалось впослѣдствіи, весьма близко опредѣляла дѣйствительные размѣры крѣпости и всѣхъ ея частей.

Генераль Скобелевъ рѣшилъ прежде всего штурмовать текинскую деревню Янги-кала, лежащую всего въ 1½ вер. отъ Геокъ-Тепе.

Утромъ 2-го декабря войска выстроились передъ своимъ лагеремъ, священникъ отслужилъ молебенъ о дарованіи побѣды русскому воинству, и генераль Скобелевъ двинулъ тремя частями свой отрядъ на непріятеля. Первымъ выступилъ въ обходъ со стороны горъ отрядъ полковника Куропаткина, другой отрядъ полковника Козелкова долженъ былъ атаковать деревню въ лобъ, а самъ Скобелевъ для отвлеченія вниманія текинцевъ двинулся на старую крѣпость. Текинцы были сбиты съ толку и не знали, гдѣ надо встрѣчать главный ударъ русскихъ. Между тѣмъ русскія войска съ двухъ сторонъ бросились на штурмъ деревни, быстро выгнали изъ нея непріятеля, который

опрометью побѣжалъ въ главную крѣпость. Но здѣсь на перешутьѣ, нашъ третій отрядъ встрѣтилъ текинцевъ залпами, а затѣмъ казаки бросились на непріятеля съ гикомъ въ шашки и гнали его почти до крѣпостныхъ воротъ. Въ 3 часа пополудни войска стали лагеремъ впереди занятой деревни, всего лишь въ 1 вер. отъ главной непріятельской крѣпости.

Съ удивленіемъ и любопытствомъ разсматривали теперь солдаты грозныя стѣны, на которыхъ совершенно явственно были видны пестрыя толпы мужчинъ и женщинъ, высыпавшихъ поглазѣть на русскихъ. По рассказамъ бѣжавшихъ изъ крѣпости плѣнныхъ персіанъ и того же русскаго солдата Петина, главная непріятельская крѣпость называлась Денгиль-Тепе, а все мѣсто съ деревней и пристройками—Геокъ-Тепе. Крѣпость была обнесена сплошнымъ землянымъ валомъ, всего длиною слишкомъ 4 версты, толщиною вверху до 4 саж. и съ наружнымъ, саженой глубины, рвомъ. Внутренность Денгиль-Тепе совершенно ровная, а въ одномъ углу находился насыпной холмъ въ 7 саж. вышиною съ пушкой наверху, предназначенной для подаванія тревоги. Въ другомъ углу крѣпости вырыты были колодцы, доставлявшіе обильную прѣсную воду. Площадь крѣпости густо установлена кибитками, числомъ до 13.000; между кибитками былъ оставленъ широкій проходъ съ сѣвера на югъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ крѣпостной ограды находились нѣсколько «калъ» т. е. небольшіе дворы, огражденные высокими глинобитными стѣнами съ башнями по угламъ. Число защитниковъ въ Геокъ-Тепе доходило до 20.000—25.000 человекъ, а всѣхъ жителей въ крѣпости до 45.000 душъ. Защитники имѣли около 5.000 ружей и одно мѣдное орудіе.

Съ цѣлью осмотрѣть хорошенько крѣпость, генераль Скобелевъ отправилъ отрядъ изъ 600 казаковъ и драгунъ подъ командой генерала Петрусевича, который, выступивъ

21-го декабря утромъ изъ лагеря, къ вечеру уже подходилъ съ другой стороны, благополучно пробившись черезъ скопища непріятельской конницы, кучами застилавшими дорогу русскимъ.

22-го декабря прибыло изъ Бами 1.700 верблюдовъ съ 15-тидневнымъ довольствіемъ, тяжестью и часть пѣхоты съ артиллеріей. Уже къ вечеру передъ непріятельскою крѣпостью выросъ значительный городокъ изъ юртъ и юлаеекъ. Переселившись такимъ образомъ всѣмъ домомъ, русскія войска ясно указывали текинцамъ, что приходъ русскихъ на этотъ разъ не будетъ походить на набѣгъ въ 1873 и 1880 годахъ.

Въ опасеніи, что текинцы могутъ отступить изъ крѣпости въ пески, генераль Скобелевъ рѣшилъ занять кавалерією въ тылу Денгиль-Тепе калу «Джуми», названную послѣ Садомъ Петрусевича, и такимъ образомъ перерѣзать путь отступленія жителей изъ крѣпости. Въ ночь на 23-е декабря изъ крѣпости стали доноситься сильные крики людей, блеяніе барановъ, ревъ верблюдовъ, лай собакъ. Генераль Скобелевъ, думая, что текинцы выходятъ изъ крѣпости, приказалъ Петрусевичу выступить изъ лагеря, не дожидаясь разсвѣта, и занять Джуми-калу, гдѣ наканунѣ еще были русскія войска за сборомъ фуража. Никто не думалъ, чтобы тамъ могъ быть противникъ въ 400 чел. При движеніи нашей колонны не слышно было ни малѣйшаго шума въ калѣ, а густой туманъ совершенно закрывалъ все впереди. Отрядъ генерала Петрусевича, состоявшій изъ 500 драгунъ при двухъ орудіяхъ, сталъ подходить къ калѣ, окруженной садомъ. Когда русскія войска находились въ 150 шагахъ отъ стѣны, изъ нея раздались выстрѣлы. По приказанію генерала Петрусевича драгуны и казаки спѣшили и бросились на штурмъ сада, но страшный огонь текинцевъ остановилъ русскихъ: генераль Петрусевичь, три офицера и человекъ 30 драгунъ были убиты на-поваль, но осталь-

ные, оправившись, опять бросились на калу. Завязался ожесточенный бой. Тѣло Петрусевица переходило нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, такъ какъ текинцы, разобравъ въ убитомъ «сардаря» (начальника), хотѣли во что бы то ни стало захватить его съ собой, чтобы потомъ похвалиться передъ своими удачей. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было такъ велико, что дрались даже раненые промежъ себя. На выручку нашимъ спѣшила бѣгомъ пѣхота, но и къ текинцамъ скакала помощь изъ крѣпости. Лишь подобравъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, рѣшились драгуны и казаки отойти отъ калы къ спѣшившей подкрѣпить ихъ пѣхотѣ.

Медленно, понуря головы, вступилъ отрядъ обратно въ лагерь, везя на коняхъ трупы начальниковъ и товарищей и неся на рукахъ раненыхъ. У насъ было убито и ранено до 70 человекъ. Къ вечеру вырыли братскую могилу, священникъ служилъ панихиду. Генераль Скобелевъ поцѣловалъ покойнаго Петрусевица и первымъ бросилъ горсть земли на братскую могилу. Горстями засыпало войско своихъ погибшихъ товарищей, и когда священникъ пропѣснь вѣчную память почившимъ, вся наша артиллерія дала грозный залпъ въ непріятельскую крѣпость. Скоро заунывные крики дали понять, что снаряды, посланные текинцамъ на поминъ души нашихъ погибшихъ братьевъ, даромъ не пропали.

Одновременно съ боемъ въ саду Петрусевица, отвлекшимъ вниманіе текинцевъ, утромъ 23 декабря были открыты осадныя работы противъ юго-восточнаго угла крѣпости. Начались тяжелые дни. Какъ кроты, копались по ночамъ русскія войска въ землѣ, въ тяжкихъ работахъ проходили дни и шагъ за шагомъ подползали къ стѣнамъ непріятельской крѣпости цѣлой сѣтью траншей. Приблизительно половина людей отряда ежедневно работала и охраняла траншеи, т. е. не спала ночью. Другая половина отпускала на отдыхъ въ лагерь, но должна была быть

всегда готовой по первой тревогѣ двигаться на помощь работающимъ. Такимъ образомъ по ночамъ всѣ войска не раздѣвались.

Къ вечеру 28 декабря мы подошли къ крѣпости траншеями на 150 саж. Весь этотъ день прошелъ весьма спокойно, а въ то же время въ крѣпости у текинцевъ состоялся большой совѣтъ. Принявшій общее начальствованіе надъ текинцами Тыкма-сардаръ убѣждалъ произвести на русскихъ ночное нападеніе, брался самъ руководить и истребить всѣхъ гяуровъ; предложеніе его было принято. Желающихъ участниковъ было набрано 4,000 человекъ. Между ними было нѣсколько женщинъ; всѣ поклялись не возвращаться, не побѣдивъ русскихъ.

Ханы и старшины должны были стать у выходовъ изъ крѣпости, чтобы рубить головы тѣмъ, которые побѣгутъ назадъ.

Въ ночь на 29-ое декабря въ самыхъ передовыхъ участкахъ шла спѣшная работа: торопились до свѣта вырыть новую параллель (траншею) какъ разъ противъ крѣпостного угла; измученный караулъ задремалъ, ожидая смѣны, которая должна была подойти изъ лагеря. Ночь была темная, луна всходила поздно. Лишь только инженерные офицеры съ рабочими отошли отъ старой траншеи впередъ на 150 шаговъ, какъ саперы увидѣли густыя массы непріятеля, хлынувшего почти безъ шума къ нашимъ окопамъ. Рабочіе бѣгомъ начали отступать, но, къ несчастію, не къ своей траншеѣ откуда вышли, а къ укрѣпленію занятымъ карауломъ Апшеронскаго полка, который уже приготовился встрѣтить текинцевъ огнемъ. Но тутъ подбѣжавшая часть рабочихъ закричала имъ: «не стрѣляйте, свои!» и текинцы безнаказанно подбѣжали почти къ самымъ траншеямъ. Въ ночной тиши раздался страшный крикъ тысячей голосовъ: «Алла, Магометъ, Алла!» и текинцы стремительнымъ, какъ лава, натискомъ, несмотря на нашъ огонь, съ однѣми только пашками прорвали ли-

пію нашихъ работъ и заставили апшеронцевъ отойти назадъ послѣ горячей схватки въ рукопашную.

Велико было горе апшеронцевъ: помимо отступленія, потерявъ большую часть людей, они потеряли знамя, защищая которое погибъ изрубленнымъ самъ командиръ батальона князь Магаловъ, два офицера, знаменщикъ и много нижнихъ чиновъ.

Текинцы, добравшись до нашихъ укрѣпленій, гдѣ стояла артиллерія, изрубивъ прислугу, успѣли завладѣть семью орудіями. Но подкрѣпленія, брошенные генераломъ Скобелевымъ, отбили обратно шесть орудій, а страшнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ обратили текинцевъ въ бѣгство. Во время отступленія апшеронцевъ геройски погибъ одинъ изъ нижнихъ чиновъ этого полка, который, отступая съ товарищами къ редуту и замѣтивъ, что солдаты, на которыхъ онъ прямо бѣжалъ, прекратили стрѣльбу, сталъ кричать: «стрѣляйте, стрѣляйте, насъ мало, а за нами текинцы!» Тутъ нельзя было терять ни секунды; залпъ грянулъ, текинцы приостановились, но и герой-солдатъ палъ отъ своей же пули.

Но вотъ взошла луна, и глазамъ русскихъ представилось страшное зрѣлище: повсюду валялись голыя тѣла съ отрубленными головами, руками и ногами. Пока передовые текинцы дрались, задніе обдирали и уродовали нашихъ раненыхъ и убитыхъ, собирая ихъ головы въ мѣшки. Когда повозки, нагруженные тѣлами, медленно двинулись къ лагерю, кровь ручьями полилась по колесамъ на землю. Точно дѣти, рыдали солдаты, глядя на такой печальный поѣздъ. Въ эту злополучную ночь мы потеряли убитыми и ранеными 6-ть офицеровъ и около 250 нижнихъ чиновъ. Убитые похоронены въ ту же ночь въ братскую могилу. Но и въ ту же ночь генераль Скобелевъ рѣшилъ штурмовать съ разсвѣтомъ самую передовую текинскія калы, отстояція отъ главной крѣпости всего въ 50 саж., и тѣмъ показать непріятелю, что русскіе не только

не падаютъ духомъ, но умѣютъ мстить и всегда готовы на рѣшительный бой.

Ночью же войска получили приказаніе къ предстоящему штурму и тихо, безъ шума вышли изъ лагеря на указанныя мѣста. Съ утра наша артиллерія стала громить калы, а въ 2 часа дня онѣ были взяты штурмомъ, и русскія войска очутились совсѣмъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ: достаточно было показать изъ-за вала шапку,— чтобы она была прострѣлена нѣсколькими пулями.

Въ ночь на 30 декабря съ наблюдательнаго поста поступило донесеніе, что текинцы собираются во рву крѣпости и, повидимому, намѣреваются опять сдѣлать нападеніе на русскихъ, но уже съ другой стороны, чѣмъ въ первый разъ. По призыву Тыкма-сардара явилось опять до 4—6 тысячъ охотниковъ и между ними много женщинъ для сбора добычи.

Нападеніе дѣйствительно было произведено, но хотя текинцы и были отбиты, всетаки они успѣли изрубить въ редутѣ прислугу у орудій, захватить одну пушку и съ ней былъ увезенъ живымъ бомбардиръ Агафонъ Никитинъ. На другой день весь народъ собрался въ крѣпость посмотреть на плѣннаго русскаго «топчи-башу,» (артиллериста).—«Мы взяли тебя для того, чтобы ты показалъ намъ, какъ стрѣлять изъ вашихъ пушекъ»,—толковали всячески текинцы Никитину и поднесли ему нашу гранату отъ захваченныхъ пушекъ. Но онъ качать только головой и учить враговъ окончательно отказался. Тогда отрубили ему на рукахъ пальцы. Не подѣйствовало и это; отрубили уши—молчить; сняли со спины кожу—молчить; тогда ему отрубили голову*).—«Если всѣ русскіе такіе, какъ этотъ, то намъ не сдобровать», порѣшили текинцы.

Во время второго нападенія текинцевъ мы потеряли 30 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ убитыми и ране-

*) Въ настоящее время этому герою поставленъ памятникъ, а родные его широко обезпечены.

ными. Почти всѣ убиты и ранены холоднымъ оружіемъ и у большинства убитыхъ отрѣзаны головы.

Между тѣмъ слухи объ успѣхахъ текинцевъ, взявшихъ у насъ два орудія и знамя, раздутые до размѣра серьезныхъ побѣдъ, проникли въ глубь страны позади русскаго отряда и сильно взволновали туркменъ племени іомудовъ. Въ нашъ лагерь дошли достовѣрные слухи, что іомуды приготовились къ поголовному возстанію и ждутъ только удобнаго случая чтобы всѣми силами обрушиться на нашъ тылъ. Было очевидно, что не только нельзя приостанавливать осаду Геокъ-Тепе, какъ думали нѣкоторые частные начальники, а наоборотъ, необходимо какъ можно поскорѣе покончить съ текинцами, пока еще къ нимъ не подоспѣли подкрѣпленія. Въ новый годъ генераль Скобелевъ подписалъ приказъ: «Всѣ мнѣнія, клонящіяся къ отстрочкѣ осады, я отвергаю и всѣ дѣйствія, которыя могутъ отклонить приближеніе штурма, я не допускаю. Впередъ, впередъ, впередъ! Съ нами Богъ! никакія литературы, а бой! Осада ни въ какомъ случаѣ не будетъ снята; штурмы будутъ повторяться до послѣдней крайности. Отступленія же изъ-подъ Геокъ-Тепе ни въ какомъ случаѣ не будетъ».

Осадныя работы начались съ новой энергіей и стали быстро подвигаться впередъ. Въ траншеяхъ за 10 дней осады установилась своеобразная жизнь. По главнымъ изъ нихъ, служившимъ ходами сообщенія, шло почти безпрерывное передвиженіе командъ и одиночныхъ людей. Чѣмъ ближе къ крѣпости, тѣмъ тише становились траншеи. На передовыхъ позиціяхъ передъ текинскими калами шеренги нашихъ солдатъ, тѣсно прижавшись грудью къ валу и положивъ ружья въ бойницы изъ мѣшковъ, ящиковъ, сторожили текинцевъ и обмѣнивались съ ними довольно частыми выстрѣлами; пули свистали въ разныхъ направленіяхъ и уносили жертвы. Въ передовыхъ траншеяхъ пораженія получались по преимуществу тяжелыя: въ голову или вообще въ верхнюю часть тѣла. Въ зад-

нихъ траншеяхъ хозяйственныя заботы брали верхъ надъ боевыми; мѣстами въ валахъ были продѣланы ниши, въ которыхъ готовилась пища и грѣлась вода для чая. Въ заворотахъ траншей помѣщались два перевязочныхъ пункта.

Къ разсвѣту 4 января, всего въ саженьяхъ 25-30 отъ восточной непріятельской стѣны, въ 150 с. сѣвернѣе угла, былъ готовъ новый редутъ—Ширванскій, изъ котораго рѣшили вести подкопъ, чтобы заложить мину подъ стѣну крѣпости. Въ это утро у текинцевъ была полная тишина; движенія почти не было, со стѣнъ стрѣльба слабая, только изрѣдка были видны женщины, выходившія изъ кибитокъ. да нѣсколько человѣкъ собирали пули, упавшія на внутреннюю площадь крѣпости. Подъ вечеръ съ наблюдательныхъ станцій стали получаться свѣдѣнія, что текинцы спускаются въ большомъ числѣ въ крѣпостной ровъ и готовятся къ нападенію. Дѣйствительно, вечеромъ около 7 часовъ, текинцы произвели третью вылазку, на которую они возлагали большую надежду. Около 6,000-8,000 человѣкъ приняло въ ней участіе. Несмотря на стремительный натискъ текинцевъ, они вездѣ были отбиты съ страшнымъ урономъ. Въ рѣдкой кибиткѣ не оплакивали родныхъ или родственниковъ. Вѣра въ успѣхъ вылазокъ была потеряна, и съ этого дня вся надежда защитниковъ крѣпости возложена лишь на рукопашный бой внутри крѣпости. Мы потеряли всего 80 человѣкъ.

Немедленно послѣ отбитія вылазки осадныя работы возобновились. Отъ Ширванскаго редута повели траншею къ самой стѣнѣ, а минеры начали работать подземный ходъ, такъ называемую минную галлерею. Впереди нашихъ траншей валялась масса непріятельскихъ тѣлъ, которыя настолько заражали воздухъ, что находиться въ траншеяхъ буквально не было никакой возможности. 7-го января утромъ, по приказанію Скобелева, начались переговоры о перемиріи для уборки труповъ текинцевъ. Съ

началомъ переговоровъ какъ съ нашей, такъ и съ неприязельской стороны люди стали постепенно высовываться изъ-за своихъ прикрытій, и вскорѣ по всей крѣпостной стѣнѣ наши войска, взлѣзшія на брустверь, увидѣли непрерывную линію головъ нашихъ противниковъ, въ ихъ типичныхъ бараньихъ шапкахъ, и торчавшіе изъ-за стѣнъ концы винтовокъ, охотничьихъ двустволокъ, мултуковъ (родъ ружья) съ треногами, пикъ и просто палокъ съ насаженными на нихъ русскими штыками.

Къ первому нашему заявленію выслать изъ крѣпости рабочихъ для уборки и погребенія труповъ, текинцы отнеслись подозрительно, предполагая съ нашей стороны какой-либо коварный умыселъ. Только послѣ нѣскольکو разъ повторенныхъ приглашеній и когда наши солдаты стали оттаскивать трупы къ крѣпости, текинцы вышли изъ-за стѣнъ и стали принимать нѣкоторыхъ своихъ убитыхъ. Но большинство труповъ не были взяты текинцами и только въ послѣдующія ночи были похоронены ими.

Во время перемирія текинцамъ было сдѣлано предложеніе отправить изъ крѣпости въ пески свои семейства, чтобы уберечь ихъ отъ нашего огня. На это текинцы весьма гордо отвѣтили, что жены ихъ и дѣти не страдаютъ, что они хорошо прикрыты въ землянкахъ и что прежде, чѣмъ мы—русскіе—доберемся до нихъ, мы должны будемъ пройти черезъ оружіе и трупы ихъ, текинцевъ.

Между тѣмъ въ крѣпости, въ кибиткѣ Махмутъ-Кулихана, собрался совѣтъ. Многіе склонялись въ сторону изъясненія покорности, но Тыкма-сардаръ отвѣтилъ, что теперь уже поздно объ этомъ говорить. Собравшаяся у кибитки гдѣ происходилъ совѣтъ, толпа молодежи, услыхавъ голоса о покорности, съ обнаженными шашками ворвалась въ засѣданіе и объявила, что она не допуститъ никакихъ переговоровъ о мирѣ. Тогда «маслалатъ» (совѣтъ) приказалъ кричать со стѣнъ, что «текинскій народъ никакихъ переговоровъ съ русскими вести не намѣренъ, почему русскіе

приглашаются скрываться въ траншеи, такъ какъ будетъ открытъ огонь». Наши и текинцы заняли свои обычные посты, а непріятелю предложено было первому открыть огонь. Въ 2 часа пополудни раздался первый текинскій выстрѣлъ и перестрѣлка пошла попрежнему. Между тѣмъ осадныя работы продолжались, велась понемногу и минная галлерей. Но эта работа была чисто каторжная; даже съ самаго начала работы, пока ушли еще не очень далеко въ глубь земли, и то могли двигаться впередъ всего 1½ ар. въ часъ; рыли, согнувшись, только 3 человека и землю передавали въ мѣшкахъ цѣпью рабочихъ, сидѣвшихъ вдоль галлерей. Послѣ стало еще тяжелѣе: стало не хватать воздуха, какъ какъ испортилась машина. накачивавшая его въ галлерей, люди обливались потомъ и работали почти до потери сознанія. Скобелевъ для поощренія минеровъ обѣщалъ имъ при успѣхѣ 3000 руб. и по 4 креста на 30 человекъ.

Въ то же время артиллерія своимъ огнемъ успѣла сдѣлать въ стѣнѣ крѣпости обвалъ въ 10 саж. шириною, но ночью текинцы, несмотря на нашъ ружейный огонь, поправили стѣну. О нашихъ подземныхъ работахъ текинцы тоже догадывались, но полагали, что мы хотимъ выйти подземнымъ ходомъ въ середину крѣпости, а потому слѣдили внутри, не появится ли изъ-подъ земли голова русскаго.

Къ утру 12-го января галлерей уже подошла подъ валъ крѣпости и была заложена мина въ 72 пуда пороха. Къ этому же дню двѣ траншеи тоже были доведены почти до самой стѣны. Изъ траншей легко было разобрать отдѣльныя фразы, которыми перекликались текинцы, и ругательства, посылаемыя русскимъ. Въ прочихъ мѣстахъ осады заканчивались послѣднія работы для удобства передвиженія войскъ и штурма крѣпости. Генераль Скобелевъ предупредилъ всѣ войска, что рѣшилъ вести штурмъ до послѣдняго человека, и лучше умереть, чѣмъ отступить всѣмъ войскамъ. Къ войскамъ онъ обратился съ такою рѣчью:

«Братья-товарищи! Намъ мало, непріятеля много, но за то есть, кого бить. Долѣе ждать намъ нечего. Мы подошли траншеями почти подъ самую крѣпость. Отступить теперь срамъ для насъ, да и невозможно. У насъ подошли всѣ верблюды и перебита большая половина лошадей. Если отступимъ, тогда должны бросить жестокому непріятелю нашихъ раненыхъ, нашу артиллерію и наши обозы. На такое дѣло не пойдетъ русскій солдатъ, завтра съ Божьею помощью я штурмую крѣпость. Знайте, что намъ только два исхода: побѣдить или умереть. Такъ побѣдимъ же братцы или съ честью ляжемъ здѣсь всѣ за царя и нашу родину!»—«Побѣдимъ! ура! ура!...»—отвѣчали, неумолкающая, солдаты.

Всѣ просіяли и поздравляли другъ друга; всѣ понимали, что завтра, такъ или иначе—конецъ нашимъ мученьямъ, которыя тянутся уже 23 дня. Солдаты мѣняли бѣлье, какъ бы готовясь къ смѣрти, цѣловались и просили другъ у друга прощенія. Офицеры писали письма, дѣлали и повѣряли взаимно свои на случай смерти домашнія распоряженія. Но духъ войска былъ прекрасный: войска вѣрили въ успѣхъ. По случаю предстоящаго штурма, въ лагерьъ былъ отслуженъ молебенъ, на которомъ присутствовали команды отъ всѣхъ частей войскъ. Цѣлую ночь никто глазъ не сомкнулъ. Тишина царила въ лагерьѣ... Лишь шакалы выли на разные голоса, какъ будто чуя поживу.

Въ штурмѣ должны были принять участіе почти всѣ войска отряда; для прикрытія лагеря оставлена только сотня казаковъ и сборныя команды всѣхъ частей, до денщиковъ включительно. Всего подъ стѣнами Геокъ-Тепе къ 12 января было собрано около 6,500 человѣкъ при 80 орудіяхъ. Для штурма отрядъ былъ раздѣленъ на три колонны и резервъ.

1) Колонна полковника Куропаткина правая—должна была атаковать обваль, произведенный взрывомъ мины.

2) Колонна полковника Козелкова средняя—штурмуешь артиллерійскій обвалъ.

3) Колонна подполковника Гайдарова—лѣвая—должна была отвлечь вниманіе текинцевъ отъ дѣйствительнаго мѣста штурма, для чего сама должна атаковать западную часть крѣпости, такъ называемую мельничную калу.

Настало 12 января—день штурма. Утро было ясное, слегка морозное. Въ 7 часовъ утра лѣвая колонна начала атаку. Расчетъ генерала Скобелева вполне оправдался—все вниманіе текинцевъ было обращено на эту колонну и всѣ начальствующія лица текинцевъ собрались на юго-западномъ углу крѣпости, лежавшемъ противъ мельничной калы. Въ то же время русская артиллерія открыла въ 7 ч. огонь, уже къ 10 ч. вновь приготовила брешь (обвалъ) въ стѣнѣ, несмотря на всѣ старанія текинцевъ исправить ее. Взрывъ мины былъ назначенъ въ 11 ч. 20 м., за полчаса до взрыва всѣ орудія отряда начали усиленное обстрѣливаніе юго-восточнаго угла крѣпости. Густой дымъ застилалъ всю окрестность, тяжело становилось дышать. Къ неумолкаемому гулу орудійныхъ выстрѣловъ примѣшивались залпы нашихъ ротъ, занимавшихъ передовыя траншеи, обстрѣливавшихъ стѣны крѣпости, куда съ началомъ общей бомбардировки высыпали текинцы. Часть стѣны, которая должна была черезъ нѣсколько минутъ взлетѣть на воздухъ, занималась тоже значительнымъ числомъ непріятеля.

Несмотря на нашъ страшный огонь, текинцы храбро отвѣчали намъ и продолжали исправлять брешь. Ровно въ 11 ч. 20 м. послѣдовалъ глухой подземный ударъ, задрожала почва, и огромный столбъ земли, кусковъ стѣны и человѣческихъ тѣлъ высоко поднялся надъ стѣною и медленно упалъ, засыпавъ наши передовыя работы и часть нашихъ охотниковъ, неосторожно подавшихся впередъ.

Стѣна упала на протяженіи 9 сажень и образовала удободоступный обвалъ. Стоявшіе на этомъ участкѣ, те-

кинцы, конечно, всѣ погибли. Минута гробоваго молчанія и съ обѣихъ сторонъ: „Алла, Магометъ, Алла!.... Ура! Ура!.....“ Не успѣлъ взрывъ еще улечься, какъ колонна полковника Куропаткина бросилась на обвалъ и вступила въ отчаянную рукопашную свалку съ текинцами, которые не выдержали и отступили въ кибитки и землянки у стѣнъ, а на обвалѣ было водружено знамя Ширванскаго полка. Въ этой схваткѣ не мало легло храбрыхъ съ той и другой стороны. Отступивъ съ обвала, текинцы продолжали сильно занимать прилежащія къ обвалу участки стѣны и били нашихъ сверху внизъ самымъ близкимъ огнемъ. Тяжело было нашимъ войскамъ, но въ концѣ концовъ текинцы на стѣнахъ были окружены и, взятые съ двухъ сторонъ пулей и штыкомъ, были частью перебиты, частью убились сами, прыгивая съ высокой стѣны во внутрь крѣпости. Масса текинцевъ, столпившихся въ началѣ штурма противъ нашей лѣвой колонны, послѣ взрыва поняла откуда грозитъ главная опасность, и бросилась къ сторонѣ взрыва. Но мы уже успѣли прочно занять обвалъ, установили на немъ три орудія и открыли такой убійственный огонь противъ столпившихся на площадкѣ крѣпости текинцевъ, что цѣлые ряды ихъ падали убитыми. Тѣмъ не менѣе они засѣли за кибитки съ землей и въ землянки и открыли по нашимъ войскамъ огонь почти въ упоръ. Тогда обѣ колонны, полковника Куропаткина и Козелкова, тоже ворвавшася черезъ артиллерійскій обвалъ, общими силами погнали непріятеля къ холму Денгиль-Тепе. Груды непріятельскихъ тѣлъ по обвалу, по стѣнамъ крѣпости, между кибитками, во всѣхъ землянкахъ и на площади свидѣтельствовали, что текинцы защищались упорно. Оставалось завладѣть послѣднимъ опорнымъ пунктомъ текинцевъ—холмомъ Денгиль-Тепе, который дружнымъ натискомъ правой колонны, наступавшей съ музыкой, и былъ вскорѣ взятъ. Прижатые къ сѣверной стѣнѣ, разстрѣливаемые съ холма, видя надви-

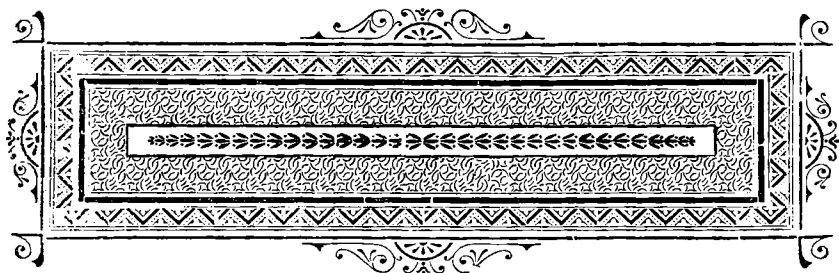
гавшіяся на нихъ все новыя части, текинцы, наконецъ, не выдержали и обратились въ бѣгство изъ крѣпости черезъ широкіе сѣверные выходы. Но напрасно азіаты искали спасенія въ бѣгствѣ: генераль Скобелевъ рѣшилъ самъ доконать гололобыхъ и, ставъ лично во главѣ кавалеріи, ударилъ на текинцевъ, отступавшихъ въ двухъ массахъ въ пески. Преслѣдованіе и рубка продолжались 15 верстъ. Ночью преслѣдованіе прекратилось. Еще оставшіяся сплоченными, толпы текинцевъ были разсѣяны, а значительную часть женщинъ и дѣтей удалось возвратить въ крѣпость, съ цѣлью имѣть залогъ для возвращенія жителей въ свои жилища.

Во время штурма у непріятеля отбиты: 2 нашихъ горныхъ орудія, знамя Апшеронскаго полка и много другого оружія. Мы потеряли 34 офицера и около 350 нижнихъ чиновъ, а за всю осаду и штурмъ до 1.100 человекъ. Но зато текинцамъ досталось еще слаще: однихъ убитыхъ было до 6.000 чел. Внутри крѣпости нами взято до 5.000 женщинъ и дѣтей, 500 рабовъ персовъ, законанныхъ въ цѣпи. Кромѣ того, нашимъ войскамъ досталась богатая добыча; она состояла изъ 12.000 кибитокъ со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, массою дорогихъ ковровъ и издѣлій изъ серебра. Взяты также значительные продовольственные запасы (23.000 пуд. муки), большое количество скота и дровъ, которыя поступили вмѣстѣ съ кибитками въ казну, а все прочее имущество («баранта») отдано войскамъ. Захватъ этого имущества разрѣшено въ теченіе 4 дней. Общая стоимость добычи оцѣнена въ 6 милліоновъ рублей. На другой день послѣ штурма сдѣлано распоряженіе о зарытіи труповъ, напоявшихъ внутренность кибитокъ, крѣпости, рвы и лежавшихъ широкою полосой по пути отступленія текинцевъ. Въ нѣкоторыхъ кибиткахъ лежало по 15 труповъ.

Страданія для русскихъ войскъ кончились, всѣ вздохнули полною грудью, цѣль была достигнута, честь рус-

скаго оружія спасена, отрядъ сталъ въ безопасности. 13-го января на площади внутри крѣпости былъ парадъ и молебствіе, а потомъ отслужена панихида по убитымъ подѣ стѣнами крѣпости.





IV.

15-го января отрядъ подѣ начальствомъ полковника Куропаткина выступилъ для окончательнаго усмиренія края; 18-го января былъ взятъ безъ боя Асхабадъ. 23-го января сюда прибыли съ повинною выборные отъ текинцевъ и принести передъ генераломъ Скобелевымъ присягу на вѣчную вѣрность и подданство текинскаго народа Бѣлому русскому Царю.

По занятію нами Ахаль-Текинскаго оазиса и по введеніи тамъ русскаго управленія, родственные Ахалу, Мервскіе туркмены сознали полную невозможность дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія и 31-го января 1884 г. присягнули на русское подданство. Вслѣдъ за тѣмъ русскій отрядъ занялъ Мервъ. За присоединеніемъ Мерва туркмены, обитающіе къ югу отъ этого оазиса, сарыки и салоры обратились къ русскимъ властямъ тоже съ просьбой о принятіи и ихъ въ русское подданство.

Какъ только стало извѣстно въ Англіи о достигнутыхъ Россіей мирнымъ путемъ такихъ результатовъ, англичане отнеслись къ этому враждебно и стали возбуждать Афганскаго эмира Абдурахмана (покойнаго) къ вторженію въ степь и занятію главнаго города сарыковъ Пенде. На англійскія деньги былъ сформированъ афганскій отрядъ, который занялъ Пенде, перешелъ рѣку Мургабъ и

сталъ на сильную позицію у Ташъ-Кепри, на рѣкѣ Кушкѣ. Въ отвѣтъ мы выставили на берегъ Мургаба свой отрядъ и когда афганцы отказались отступить, командовавшій войсками Закаспійской области генераль Комаровъ 18-го марта 1885 года приказалъ атаковать афганскія войска. Афганцы были разбиты на-голову, потерявъ 8 орудій, 2 знамени, верблюжій транспортъ и до 500 человекъ убитыми.

Эта побѣда еще разъ показала народамъ Средней Азій непрочность поддержки Англіи и въ то же время могущество Россіи.

Въ настоящее время Закаспійская область, заключающая въ себѣ свыше 10.000 квадр. миль, дѣлится на три уѣзда: Мангышлакскій, Красноводскій, Ахаль-Текинскій и на два округа: Пендженскій и Мервскій. Съ введеніемъ въ край русской администраціи, Закаспійская область сравнительно за короткій промежутокъ времени превратилась въ благоустроенный край съ развитымъ земледѣліемъ, торговлей и промышленностью, съ значительнымъ числомъ городовъ и селеній. Благодаря увеличенію водныхъ богатствъ страны, въ настоящее время число хлопобопашцевъ составляетъ уже $\frac{3}{4}$ всего населенія. Кромѣ того, обращено серьезное вниманіе на введеніе въ край хлопководства, для чего первоначально сѣмена раздавались населенію бесплатно, а для руководства воздѣлыванія его изъ Самарканда были выписаны нѣсколько сартовъ вполне знакомыхъ съ этимъ дѣломъ. Теперь эта отрасль даетъ населенію свыше 300.000 руб. ежегоднаго заработка.

Ковровое производство, главнымъ центромъ котораго служитъ Мервъ, играетъ тоже немаловажную роль. Лучшая шерсть, выбранная для ковроваго издѣлія, безъ промывки выбивается палками отъ песка и грязи, затѣмъ расчесывается и красится. Для окраски туркмены имѣютъ весьма скудный наборъ красокъ, главнымъ образомъ

желтая изъ растенія «Сарагобъ». Вслѣдствіе особыхъ протравъ и сноровки краски отличаются прочностью и съ теченіемъ времени принимаютъ лучшій тонъ; вотъ почему старые ковры цѣнятся выше новыхъ. Существуетъ обычай, по которому каждая дѣвушка должна сама приготовить себѣ въ приданое коверъ. Благодаря этому ковровое производство не гложетъ, такъ-какъ все молодое поколѣніе проходитъ обязательно школу ткацкаго искусства.

Поднятіе промышленности въ связи съ устройствомъ путей сообщенія и главнымъ образомъ проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги, а также многочисленныхъ почтовыхъ и телеграфныхъ трактовъ, оказало огромное вліяніе и на развитіе торговли, достигшей въ послѣднее время весьма значительныхъ размѣровъ. Главнымъ торговымъ рынкомъ Закаспійской области служить Персія, куда ежегодный вывозъ товаровъ простирается на сумму свыше четырехъ милліоновъ рублей, въ томъ числѣ сахара свыше 1 мил. и бумажныхъ тканей на полтора милліона рублей. Ближайшій торговый большой пунктъ Персіи—Мешхедъ—соединенъ съ Асхабадомъ колеснымъ путемъ прекраснымъ шоссе. Изъ Мешхеда по Закаспійской желѣзной дорогѣ идутъ на Нижегородскую ярмарку бирюза, мерлушки, сухіе фрукты. Изъ Россіи идетъ въ Мешхедъ хрустальная, фарфоровая, фаянсовая, стеклянная, мѣдная и жестяная посуда, сукна, нефть, бумага, зеркала и разные мелкіе товары. Изъ Туркменіи въ Россію—ковры, войлоки, попоны, дорожные мѣшки и лошади. Изъ Индіи идутъ драгоценные камни, кораллы, пряные коренья; изъ Герата (по вѣткѣ желѣзной дороги отъ Мерва до Кушкинскаго поста)—лисица, куница, мерлушки, фисташки и проч. Очевидно, что Закаспійской желѣзной дорогѣ суждено быть торговымъ трактомъ самыхъ разнообразныхъ товаровъ, сбытъ которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ, благодаря нашей сосѣдкѣ Персіи, промышленность которой стоитъ на весьма низкомъ уровнѣ. Главное же торговое значеніе дороги

то, что теперь Россія уже почти не пользуется иностраннымъ хлопкомъ, такъ какъ въ настоящее время ежегодно дорога доставляетъ изъ средней Азіи до трехъ милліоновъ пудовъ своего хлопка и дорога съ излишкомъ окупаетъ расходы по своей эксплуатаціи. Протяженіе всей Закаспійской желѣзной дороги отъ Красноводска до Самарканда 1416 вер., изъ коихъ въ предѣлахъ собственной Закаспійской области пролегаютъ 1026 верстъ, а остальные 390 верстъ находятся въ предѣлахъ Бухарскаго ханства и Самаркандской области Туркестанскаго Генераль-Губернаторства. Всѣ служащіе на желѣзной дорогѣ, число которыхъ доходитъ до 6000 чел., въ настоящее время русскіе, замѣнившіе благодаря настойчивымъ требованіямъ администраціи персовъ, бухарцевъ и другихъ инородцевъ.

Какъ подспорье желѣзной дорогѣ, въ торговлѣ служатъ колесныя дороги, протяженіе которыхъ около 1,000 вер. Но главнымъ видомъ перевозочныхъ средствъ Закаспійской области являются вьючныя животныя, верблюды, лошади, преимущественно первые. Всего въ области свыше 170,000 верблюдовъ, 80,000 лошадей. Если предположить, что изъ этого числа животныхъ только половина вполне свободны и годны къ перевозкѣ тяжестей на значительныя разстоянія, то получимъ въ круглыхъ числахъ 80,000 верблюдовъ и 40,000 лошадей. Принимая во вниманіе, что казенный вѣсъ груза опредѣленъ для верблюда, по примѣру Ахалъ-Текинской экспедиціи, лишь наименьшій, въ 10 пудовъ, получимъ громадную подъемную силу въ 80,000 пуд., не считая лошадей, (40,000), которыя могутъ поднять еще около 200,000 пудовъ.

Такимъ образомъ Закаспійская область вполне обеспечена подъемными средствами, считая даже однихъ только верблюдовъ, такъ какъ войска и пришлое населеніе области рѣдко употребляютъ для вьючныхъ перевозокъ лошадей, потому что во-первыхъ, онѣ требуютъ болѣе тща-

тельного ухода, чѣмъ за верблюдами, хорошаго корма и часто расположеніе разнаго рода водоемовъ, а во-вторыхъ, подъемная сила ихъ не особенно значительна. Верблюды же, неся значительный грузъ, довольствуются кормомъ, который встрѣчается почти по всей области, въ видѣ колочки, и могутъ оставаться безъ воды лѣтомъ въ теченіи 3—4 дней, зимою до 7—8 дней.

Верблюдъ издавна зовется «кораблемъ пустыни» и дѣйствительно, по справедливости, заслуживаетъ такое названіе, хотя нельзя при этомъ забывать, что это такое нѣжное, хрупкое животное, которое нужно ласкать и холить, чтобы оно хорошо выполняло свое назначеніе. Верблюдъ ужасно боится холода, и туземцы, у которыхъ онъ составляетъ домашнее животное, съ наступленіемъ холодовъ не жалѣютъ войлоковъ и шерстяныхъ попонъ, чтобы покрыть все нѣжное тѣло животнаго и даже обвязать его шерстяной веревкой, чтобы отъ вѣтра не открывалась покрывка; особенно чутки къ холоду молодые верблюды. Грязь для верблюдовъ тоже бѣдствіе: его неуклюжія огромныя лапы расплющиваются по грязи, и эта громада, какъ дитя, ищетъ помощи отъ человѣка, который и поддерживаетъ его въ трудныхъ мѣстахъ; какая-нибудь ранка, ушибъ, ударъ—все это обыкновенно для лошади проходитъ безслѣдно, для верблюда очень опасно и нерѣдко ведетъ къ смерти. При навьючиваніи и развьючиваніи верблюды издаютъ крайне непріятный и рѣзкій ревъ, который буквально мутитъ душу всѣхъ непривычныхъ къ нему каждый разъ, по прибытіи на ночлегъ и при выступленіи въ походъ. Такъ же реветъ верблюдъ, если онъ устанетъ или заупрямится, причѣмъ сейчасъ же ложится, и никакія понукиванія, подергиванія веревкой за ноздри, толчки и побои здѣсь не помогутъ. Верблюдъ такъ же будетъ реветъ, оглядываясь назадъ и не принимая ни малѣйшихъ усилій для того, чтобы приподняться на ноги. Остается только одно средство—развьючить вер-

блюда. Первое условіе хорошей работы верблюда это, чтобы утоливъ жажду—на ночь онъ получилъ бы полную свободу отъ व्यюка, могъ бы вполне отдохнуть и пережевать свою жвачку, какъ говорятъ «выпасть», а второе—умѣлый, терпѣливый уходъ за нимъ и хорошее знаніе всѣхъ особенныхъ чертъ характера животного. При несоблюденіи этихъ условій начинается быстрый падежъ верблюдовъ, въ особенности тамъ, гдѣ при нихъ нѣтъ вожаковъ-«лаучей», туземцевъ.

Туземцы, при своей первобытности, считали необходимымъ, для управленія верблюдомъ; протыкать у бѣднаго животного ноздри, пропускать сквозь это отверстіе палку въ видѣ гвоздя съ утолщеннымъ однимъ концомъ и, привязывая къ другому веревку, тащить такимъ образомъ верблюда одного за другимъ. Но и въ этомъ оказалось вліяніе культуры русскаго человѣка; одинъ изъ энергичныхъ военныхъ начальниковъ воспретилъ въ своей части этотъ варварскій обычай, и теперь пріятно видѣть разукрашенную цвѣтными шерстями глупую морду верблюда, въ одномъ недоузкѣ, съ бубенчиками и колокольчиками изъ желѣза, по послушно исполняющимъ волю своихъ вожаковъ и безъ истязанія протыканія ноздрей. Но въ болѣе глухихъ мѣстахъ области первобытный обычай еще не выведенъ изъ употребленія до сихъ поръ. Въ области установлена слѣдующая плата (казенная) за व्यючныхъ животныхъ. При перевозкѣ казенныхъ грузовъ въ сутки, за cadaго верблюда платится 50 коп. и вожаку, который полагается на 6 верблюдовъ, тоже 50 коп. При перевозкахъ же частныхъ грузовъ плата за верблюда устанавливается по соглашенію наемщика и верблюдовладельца.

Въ 1890 г. начальникомъ Закаспійской области и командующими войсками въ ней былъ назначенъ нынѣ военный министръ генералъ Куропаткинъ. Это былъ самый дѣятельный администраторъ края. На ряду съ заботами о матеріальномъ благосостояніи населенія, генераломъ

Куропаткинымъ не мало сдѣлано и для поднятія умственнаго его уровня, смягченія нравовъ и т. п. Съ 1890 г. сверхъ имѣвшихся въ области пяти начальныхъ училищъ, открыто, по почину начальника края еще до 25 учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ одна прогимназія, техническое желѣзнодорожное училище и школы садоводства и огородничества. Не мало усилій было приложено начальникомъ области къ тому, чтобы приучить туземцевъ отдавать дѣтей въ русскія школы, и усилія эти увѣнчались успѣхомъ. Первое время туркмены относились къ русскимъ школамъ крайне недовѣрчиво, но постепенно взглядъ ихъ измѣнился, и въ настоящее время является не мало желающихъ отдавать своихъ дѣтей въ эти школы. Особое вниманіе обращено на устройство и правильную организацію суда, отправлявшагося ранѣе исключительно по народнымъ обычаямъ (адату), имѣвшимъ настолько варварскій характеръ, что за многія незначительныя, по русскимъ понятіямъ, преступленія виновный подвергался изувѣченію.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ мѣръ перерожденіе большинства туземцевъ не только внѣшнее, но и внутреннее совершилось съ замѣчательною быстротой. Образъ жизни туземнаго населенія, постепенно измѣняясь, окончательно склонился къ мирнымъ занятіямъ, аламанство и калтаманство отходятъ уже въ область прошедшаго и если встрѣчаются еще иногда, то какъ исключительные и единичные случаи.

Въ виду важнаго значенія заселенія окраинъ имперіи русскими, одной изъ главныхъ заботъ генерала Куропаткина было привлеченіе переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній и русскихъ рабочихъ на службу закаспійской желѣзной дороги, и вообще покровительство пришлому русскому населенію въ краѣ. Переселенцы пользовались заботливымъ попеченіемъ и поддержкой со стороны администраціи, какъ-то: въ отводѣ имъ въ достаточномъ коли-

чествъ земли, освобожденіи отъ разныхъ повинностей, выдачъ денежныхъ пособій, лѣсныхъ матеріаловъ и т. п. Для облегченія участи чернорабочихъ, направлявшихся въ область въ значительномъ числѣ изъ внутреннихъ губерній, для удешевленія ихъ жизни и поддержанія нравственности устроены чайныя, ночлежный домъ и дешевая столовая въ Узунъ-ада, Кизиль-арватъ, предоставлена возможность покупать товаръ въ кредитъ и по дешевымъ цѣнамъ въ лавкѣ потребительнаго общества, учреждено ремесленное собраніе. Притокъ русскаго населенія, въ связи съ развитіемъ осѣдлости среди населенія туземнаго, вызвали значительное увеличеніе числа городовъ и поселеній, благоустройство которыхъ составляло также одинъ изъ предметовъ постоянной заботливости высшей администраціи. Кромѣ официально признаваемыхъ городами: Асхабада, форта Александровскаго, Красноводска, Теджена и Мерва, имѣется въ области значительное число поселеній (напр., Узунъ-ада, Кизиль-арватъ), которымъ и по ихъ наружному виду и по роду занятій поселенія должно быть присвоено названіе городовъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ административный центръ области Асхабадъ. Асхабадъ по-текински «Эшкабадъ», въ переводѣ «мѣсто любви», до занятія нашими войсками былъ большимъ ауломъ, заселеннымъ туркменскимъ родомъ Караонъ-Беги племени Векихъ. Въ аулѣ насчитывалось до 300 кибитокъ. Жители занимались хлѣбопашествомъ и садоводствомъ, и русскіе застали здѣсь большіе фруктовые сады, преимущественно виноградники и тутовники. Нынѣ Асхабадъ, оставаясь попрежнему «мѣстомъ любви», представляетъ вполне благоустроенный городъ, поражающій каждого проѣзжаго лѣтомъ обиліемъ зелени. Всѣ свободныя площади обращены въ парки, всѣ улицы шоссированы и обсажены деревьями, городской садъ наполненъ цѣнными породами деревьевъ. По переписи 1897 г., жителей въ городѣ около 20 тысячъ, домовъ (въ 1898 г.)—

1275; лѣсъ строительный привозится изъ Астрахани. Въ городѣ имѣется двѣ православныхъ церкви, публичная библіотека, три общественныхъ собранія, городская больница, двѣ типографіи, издается газета «Закаспійское обозрѣніе», существуетъ нѣсколько гостиницъ, бань, много магазиновъ, лавокъ и т. п. Кромѣ того, въ городѣ таможня I класса, три хлопкоочистительныхъ завода; изъ растущаго подъ городомъ виноградника выдѣлывается болѣе 700 ведеръ вина.

Своимъ процвѣтаніемъ и быстрымъ ростомъ Закаспійская область обязана исключительно трудолюбію, энергіи и талантливости русской администраціи и притомъ, что можно отмѣтить съ чувствомъ законной гордости—администраціи военной, такъ какъ мѣстности, входящія въ составъ Закаспійской области, со времени ихъ присоединенія къ Россіи состояли и состоятъ въ исключительномъ вѣдѣніи Военнаго Министерства.

